

Игорь Малышев

Лавкахлама

Пьеса

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

О л е н и н. Невысокий щуплый старик. Самоуверенный, гордый, желчный, немного смешной и очень одинокий. Одет домашне — неряшливо. Считает себя антикваром. С посторонними говорит резким неприятным голосом. Когда впускает кого-то в квартиру, закрывает дверь и прячет ключ в карман. Дверь у него мощная, металлическая, когда она открывается, видна ее толщина. Когда копается на полках с экспонатами, неизменно поднимает тучи пыли и чихает смешно, как кошка.

Д в о ю р о д н а я в н у ч к а Ж у к о в а. Строго, но бедно одетая женщина. Ровесница Оленина. На голове шляпка с вуалью, какие носили в первой половине XX века. Спину держит прямо. Городская сумасшедшая.

Ч е л о в е ч е к с б о т и н к о м Х л е б н и к о в а. Помят, похмелен, поминутно вздрагивает. На носу очки. Время от времени вполголоса говорит: «Ой, мамочки!».

К и р с а н ы ч. Нагловатый и прохиндеистый гастарбайтер. По-русски говорит с акцентом. В спецовке и сапогах. Поначалу прикидывается дурачком-азиатом. Потом успокаивается, акцент почти пропадает.

Л е о н и д. Лет сорока. Сухой, хорошо одетый. Видно, что он умней, чем старается казаться. Поначалу говорит расслабленно-доброжелательным голосом, потом переходит на пацанский напористо-наглый тон.

Е ф и м ц е в. Поэт-неудачник. Длинный, тощий, нелепый.

Детский голос, голоса подростков, рука с чернильницей Бакунина.

ПЕРВЫЙ АКТ

Довольно большая квартира в районе Арбата. Полуподвал. Под потолком единственное узкое окно. Оттуда иногда доносятся песни арбатских музыкантов. В квартире пыльно. Всюду вещи: на полках, в шкафах, на холодильнике. Вместе они смотрятся даже красиво. Как в комнате художника Краснопевцева из музея частных коллекций Пушкинского музея. Оленин, одетый в потертый халат, звонит по телефону.

Игорь Малышев родился в 1972 году в Приморском крае. Живет в г. Ногинск Московской области. Образование высшее техническое. Работает инженером на атомном предприятии. Автор нескольких книг для детей и взрослых. Книги входили в короткие списки премий «Ясная Поляна», «Большая книга» и «Русский Букер».

В журнале «Дружба народов» печатается впервые.

ОЛЕНИН. ...Ало? Лёничка, будьте добры. Угу. А Вареньку? Угу. Жаль. Ну, вам-то понятно, не жаль. (*Кладет трубку, говорит в сторону.*) Ладно, Маркиз, хватит на сегодня.

Оленин встает, задумчиво идет вдоль полок. Останавливается, начинает любовно перебирать свои экспонаты: бутылки, веточки, тряпочки, камешки, куски железа, статуэтки, картины, куски кораллов, черепа, значки, пожелтевшие газеты и бумаги. Гладит, бормочет.

ОЛЕНИН. ...Значок «Активист ОСОАВИАХИМ». Чкалов его носил. Летчик от Бога. Обломок расчески Керенского. (*Нюхает.*) Кхе. Даже и пахнет-то неприятно. Так себе человек... Ни два, ни полтора. Поплавок удочки Пришвина. О, какой красавец! (*Поднимает вверх, смотрит, кладет на место.*) Перчатка Муссолини... А вот... Капсула с пеплом детей Освенцима. (*Смотрит на нее.*) Вот они, русские, украинцы, белорусы, евреи... Все тут. И ни тебе национальной розни, ни антисемитизма, ни русофобии...

Сверху слышны тяжелые шаги. Оленин смотрит на потолок, прислушивается.

Кто ж там ходит? Динозавр какой-то... (*Возвращается к своим вещам.*) Подкова коня, которого убило вместе с императором Александром Вторым. Вон как боковина стесана. Это когда конь в агонии бился, о мостовую копытом колотил... Да... А это посовременней. Значок «Мерседес» с машины, в которой взорвали бандита Сильвестра. И брать-то противно. Но тоже история. Бомба. Одна из неразорвавшихся бомб Каляева. Надо поосторожней с нею. А то вслед за Сильвестром отправимся. (*Задвигает бомбу вглубь полки.*) Пивная бутылка, из которой выпивал Эдуард Багрицкий. А внутри, Маркиз, смотри, кусочек рачьей клешни. Хе-хе. Вот ведь вещь! «По рыбам, по звездам проносит шаланду, три грека в Одессу везут контрабанду...» Кстати...

Шаркая тапочками, радостно идет к холодильнику, достает бутылку, близоруко смотрит, сколько там осталось. Наливает в стопку, оглядывает полки.

(*С легкой тоской.*) Маркиз, какой музей мог бы из всего этого получиться! А? Лувр, Эрмитаж и галерея Уффици. (*Выпивает, крикает, убирает бутылку обратно.*) Похорошело! (*Смеется, потирает сухие ручки, возвращается к своему хламу.*) А, вот он где... Конверт с волосами Сергея Есенина. Я уж думал, потерял его. Это когда Сергей Александрович стригся, году в двадцать третьем, цирюльник, поклонник его, припрятал несколько прядок. (*Глядит в конверт.*) Потом они еще каким-то образом к Мейерхольду попали. А он же всю жизнь ревновал свою жену, Зинаиду Райх, к Есенину... Чудом не сжег. Чудом...

Пауза. Издалека звучит музыка, доносится голос Есенина, читающего свои стихи. Оленин убирает конверт, все стихает.

А вот, вещь! Кусок первого занавеса МХАТа. (*Заворачивается.*) Маркиз, похож я на патриция? Больше, чем патриций, похож!

Подходит к большому зеркалу. Делает суровое лицо. В крупные дыры, прогрызенные молю, виден халат.

(*Пытается говорить суровым голосом.*) О, где ты, Брут? Где бродишь, что злоумышляешь?

Не разматывая занавеса, подходит к блюдцу, наливает молока.

(Нормальным голосом.) Маркиз, кс-кс-кс. Слышишь, нет? Кс-кс-кс. Тебе говорю! (всматривается в завалы) Ты не голодный, что ли? Все спишь. Вы, коты, любите поспать. А мне, Маркиз, сегодня опять дети и Маша снились. Да так ясно я их видел. Вот прямо, как тебя. (Оглядывается.) Кс-кс-кс! Не объявился еще? Ну, спи, спи. Все проспишь. По полгода спать готов, как медведь. И ведь всегда ты такой был. Еще когда я тебя щенком на Арбате подобрал, ты уже такой был. Сунул тебя за пазуху, ты тут же и уснул... Так вот, дети мне снились. С Машей. В яблоневоm саду. При чем тут яблоневый сад? Я и яблоки-то не люблю. И не любил никогда.

(Звонит телефон.)

(Резким неприятным голосом.) Ну? Оленин. Что надо? Какой капитальный ремонт? А я тут при чем? Вам надо, вы и ремонтируйте. Или вы хотите, чтобы я дом отремонтировал? Нет? И на том спасибо. Что? Съезжать? Что?! К чертям собачьим! К свиньячьим! И слушать не хочу. (Бросает трубку, телефон звонит снова.) Ало. Кто это? Кто? Опять вы? Ну... И что... Двухкомнатную в Теплом Стане дадите? (Издательским тоном.) Ну, да. Сейчас кота умою и в Теплый Стан побегу. Босиком. (Бросает трубку.) Слышал, Маркиз, как я ее отбрил? Ваш дом, говорит, подлежит капитальному ремонту, переезжайте в Теплый Стан. Насовсем переезжайте! Сейчас! Не на того напали. Знаю я эти фокусы. Меня в клетушку на окраине забросят, а мою квартиру отремонтируют и продадут за миллионы! Ишь! В зеркале дураков искать будете, иуды. Маркиз, ты был в Теплом Стане? Хотя, куда тебе. Ты за дверь-то всего один раз в жизни выходил. Я вот тоже не был. И я сомневаюсь. Может, и нет никакого Теплого Стана на самом деле. Так, один звук. Может такое быть? Может. (Бормочет.) Не на того, повторяю, напали. Развелось, вас, чертей, и названиваете-названиваете, людям жизнь портите. Передушил бы, ей-богу. Вот так взял бы и передушил.

(Звонит телефон.)

Опять они. Не знаю, что сделаю... (Берет трубку, кричит, давая «петуха».) Удушю! Ясно? Вот так возьму и удушю! Своими собственными руками. Еще раз позвоните, найду и удушю! Все!.. А? Кто? Какой ботинок? Что за чушь? Ботинок Хлебникова? (смягчаясь) Из Харькова? Ну, приносите. Мне надо взглянуть. Я человек серьезный. Антиквар в третьем поколении, меня не проведешь. Вы знаете, где я живу? Отлично. Но учтите, если принесете какое-нибудь барахло, выгоню веником, как мышь. Я не могу тратить свое время на ерунду. Всего хорошего.

(Прохаживается по дому.)

Слышал, Маркиз? Ботинок Хлебникова из Харькова! Это тебе не какой-нибудь хлам. Это реликвия. Великолепно. Хе-хе. Ну-ну, пусть несет. Я такие вещи сразу чувствую. По ним ток идет. Беру в руки и сразу понимаю — вот она, находка. У меня нюх. Инстинкт. Хе-хе.

(Звонок в дверь. Оленин подходит, долго глядит в глазок.)

ОЛЕНИН (громким неприятным голосом). Ну?

МАДАМ ЖУКОВА. Это мадам Жукова. Помните, я оставляла в заклад фуражку? Унтер-офицерскую фуражку маршала Жукова.

ОЛЕНИН. Ждите. (Идет к столу, бормочет.) Какая еще мадам маршала Жукова? Откуда на мою голову? Да еще в фуражке... (Подходит к столу, открывает большую пыльную книгу, листает, читает, шевеля губами.)

МАДАМ ЖУКОВА. Товарищ Оленин?

ОЛЕНИН (*кричит*). Имейте терпение! (*Продолжает читать*). Ага, вот... Тысяча девятьсот восемьдесят четвертый год. Фуражка... ммм... унтер-офицера Жукова. Получено от Жуковой... Под залог... Под залог... Ага... Мурмурста рублей. А, вспомнил. Долго ж ты шла, калоша старая. (*Подходит к двери*). Да, помню. Я никогда ничего не забываю.

МАДАМ ЖУКОВА. Я хотела бы ее забрать. (*Оленин молчит, недовольно качает головой*). Товарищ Оленин? Вы здесь? (*Стучит по двери*).

ОЛЕНИН (*открывает дверь, но цепочку не снимает*). Да. Что вы хотели?

МАДАМ ЖУКОВА (*с легким раздражением*). Выкупить фуражку. Я деньги принесла.

ОЛЕНИН. Прямо сейчас хотите выкупить?

МАДАМ ЖУКОВА. Конечно!

ОЛЕНИН. Всю сумму принесли?

МАДАМ ЖУКОВА. Всю до копейки.

ОЛЕНИН. С процентами?

МАДАМ ЖУКОВА. Ну, естественно.

ОЛЕНИН. А продать? Продать не надумали?

МАДАМ ЖУКОВА (*немного нафосно*). Такое не продают.

ОЛЕНИН (*неохотно снимает цепочку*). Входите. (*Мадам Жукова входит. В руке у нее помидор. Оленин закрывает за ней дверь*). Что это у вас?

МАДАМ ЖУКОВА (*смотрит с некоторым изумлением на свою руку с помидором, потом вспоминает*). Ах, это... Я получила пенсию, зашла на рынок. Вот, купила помидор.

ОЛЕНИН (*ухмыляясь*). Один помидор?

МАДАМ ЖУКОВА. Да, и что?

ОЛЕНИН. Обычно помидоры продают, хм, килограммами.

МАДАМ ЖУКОВА. Знаете, молодой человек, размер моей пенсии — это мое личное дело. А вы что это в хламиде? Сегодня праздник? Я что-то пропустила?

ОЛЕНИН (*фыркает*). В хламиде... Это, матушка, не хламида. Это памятник эпохи!

МАДАМ ЖУКОВА. Что ж это ваш памятник моль-то так побила?

ОЛЕНИН. Моль — птица вредная. Грызет даже памятники. Стойте здесь. Никуда не ходите. Где же она... (*Ищет на полках, достает закутанную в ткань фуражку, кладет на стол*).

Мадам Жукова оглядывается. Смотрит на портреты на стене.

МАДАМ ЖУКОВА. А это кто у вас?

ОЛЕНИН (*мельком глянув*). Сволочи!

МАДАМ ЖУКОВА. Какие еще сволочи?

ОЛЕНИН. Детки мои, вот кто! Мерзавцы, каких свет не видывал.

МАДАМ ЖУКОВА. Станные какие-то портреты. На вырезки из «Огонька» похожи.

ОЛЕНИН (*тихо*). Сама ты на вырезку из «Огонька» похожа. (*Громко*). Подойдите сюда.

МАДАМ ЖУКОВА. Прекратите командовать в конце концов! Мы не в казарме.

ОЛЕНИН. В казарме, не в казарме... Мы у меня дома! Давайте деньги. (*Берет, считает купюры, глядя на просвет*). Эта мятая совсем. Потертая какая-то... Это вообще, не пойми что... А эта фальшивая!

МАДАМ ЖУКОВА (*вспыхнув*). Как вы смеете!

ОЛЕНИН (*чуть куражась*). А, нет-нет. Похоже, настоящая. Триста рублей.

Да четырнадцать рублей процентов, будьте добры. Будем считать, в расчете. Вот здесь распишитесь. (*Мадам Жукова расписывается.*) Что вы пишете? Какая еще мадам Багратион? Да, зачеркивайте. Вот так. Порядок. (*закрывает книгу*) Мадам Багра... Жукова, хорошо, вы не хотите продать мне эту фуражку. Но отчего же вы ее в музей маршала не отдадите?

МАДАМ ЖУКОВА (*протягивает руку за фуражкой*). Я пыталась. В отличие от вас, они не поверили, что это фуражка Жукова.

ОЛЕНИН. Мир полон идиотов, мадам. Всего хорошего. (*Оленин, помедлив, с сожалением отдает фуражку, провожает мадам Жукову, закрывает дверь.*)

Пауза.

Вот так, Маркизушка. И ничего не поделаешь. А ведь я уверен, тысячу раз уверен, что это настоящая фуражка. И только этим дебилам в музее ничего не докажешь. (*Издеваясь.*) «Нет денег на экспертизу. Вероятность одна на десять миллионов». Это вероятность, что у вас мозги есть, одна на десять миллионов! Мне достаточно было в руки ее взять, и никакой экспертизы не надо! Она ведь дрожит прямо, неужели ж эти остолопы не чувствуют? Ничего, пусть. Пусть считают меня сумасшедшим! Пусть за спиной шепчутся. В кулачок прыскают. Идиоты. Тупицы. Сборище пыльных ослов. Время покажет, кто прав! Дети разберутся. Из моего собрания такой музей получится! Главное ведь, Маркиз, что все здесь подлинное. Все, до последней соринки. Ручаюсь! Голову свою могу поставить! Только б не умереть раньше срока. А то ведь выкинут все на помойку, не дождавшись, пока дети приедут. Тут ведь столько всего! (*Идет вдоль полок.*) Ворот кольчуги Даниила Галицкого, манжета Булгакова, осколок ножа гильотины Марии Антуанетты, карандаш Лжедмитрия первого, песок Вавилона, суглинок Владимира... А это что у меня? Забыл... Нет, помню! Камешек с могилы Гомера. (*Трогает, улыбаясь.*) Живулька какая! Кусочек одежды Ганди...

Раздается звонок в дверь. Оленин спешит, задевает блюдо с молоком, оно переворачивается. Оленин глядит в глазок.

ОЛЕНИН. Ну? (*Слышится невнятное бормотание.*) Что? Ах, ботинок Хлебникова... Ну, входи, входи, ботинок Хлебникова. (*Открывает дверь, впускает маленького человечка, почти карлика. Человечек помят, его потряхивает с похмелья. Оленин держит его у двери.*) Ну?

Человечек трясушимися руками достает из целлофанового пакета старый ботинок. Оленин испытующе смотрит на него. Человечек достает из пакета книжку, открывает на заложенной закладкой странице, быстро, запинаясь, читает.

ЧЕЛОВЕЧЕК. Анатолий Мариенгоф, «Роман без вранья», страница 35, второй абзац сверху. «В Харькове жил Велемир Хлебников. Решили его провести. Очень большая квадратная комната. В углу железная кровать без матраца и тюфячка, в другом углу табурет. На табурете обгрызки кожи, дратва, старая оторванная подметка, сапожная игла и шило. Хлебников сидит на полу и копошится в каких-то ржавых, без шляпок, гвоздиках. На правой руке у него щиблета. Он встал нам навстречу и протянул руку с щиблетой. Я, улыбаясь, пожал старую дырявую подошву. Хлебников даже не заметил». (*Пауза, глядит на Оленина.*) Это она. Щиблета.

ОЛЕНИН. Щиблета?

ЧЕЛОВЕЧЕК (*кивает*). Щиблета.

ОЛЕНИН. А говорили ботинок.

ЧЕЛОВЕЧЕК. Оговорился.

ОЛЕНИН. Ладно, давайте.

Оленин берет в руки щиблету, мнет, трет, обнюхивает. Человечек нервно переступает с ноги на ногу, потом не выдерживает.

ЧЕЛОВЕЧЕК. Настоящая! Что я, врать буду...

ОЛЕНИН. Пс!

ЧЕЛОВЕЧЕК (*тихо, страдальчески*). Ой, мамочки...

Пауза. Человечек мнется, ему плохо. Звучит музыка. Голос читает издалека.

Россия забыла напитки,
В них вечности было вино,
И в первом разобранном свитке
Восчла роковое письмо.

Ты свитку внимала немливо,
Как взрослым внимает дитя,
И подлая тайная сила
Тебя наблюдала хотя.

ОЛЕНИН (*словно выходя из забытья, сухо*). Прекрасно. Сколько вы хотите за нее?

ЧЕЛОВЕЧЕК (*набравшись храбрости*). Пятнадцать тысч... Тысяч!

ОЛЕНИН. Не смешите. Двести рублей.

ЧЕЛОВЕЧЕК. Извините, у вас выпить нету?

ОЛЕНИН. Нету.

ЧЕЛОВЕЧЕК. Хорошо. Пятьсот.

ОЛЕНИН. Двести. (*Улыбается.*) Двести, милый юноша!

ЧЕЛОВЕЧЕК. Ну, хоть триста!

ОЛЕНИН. Берите двести. Все равно больше никто не поверит, что эту щиблету действительно держал в руках Хлебников. Только я поверю.

Человечек забирает щиблету и уходит. Оленин слегка прикрывает дверь и остается стоять рядом, прислушиваясь. Человечек возвращается, сует в руки щиблету, силится что-то сказать, но не может. По лицу видно, что он еле сдерживается от слез. Оленин сует ему двести рублей, и тот уходит.

ОЛЕНИН (*в дверь*). Может, выпьете? Вы если что, заходите, я вам эту щиблету... потрогать дам.

Оленин пожимает плечами и закрывает дверь.

ОЛЕНИН. Ай да я! Ай да делец! (*Идет к столу, достает бутылку, выпивает.*) Вот так-так! Маркиз, щиблета Хлебникова! Не что-нибудь. Щиблета Хлебникова!!! Ого-го! (*Мелко смеется, потирает ручки.*) Ну где еще есть такое? Нигде, только у меня! Только у меня! А если б не я? Что? Пропала бы вещь! Пропала! Сгинула! А я спас! Люди потом в музее будут смотреть и думать: «Ай, да Оленин, молодец какой! Не дал вещи сгинуть». Хлебников! Это вам не Чубайс какой-нибудь, прости Господи. Или Абрамович, дважды прости Господи. Дети знают цену таким вещам. Маркиз, ну иди! Порадуйся со мной. Целый день тебя не видел. (*Замечает пустое блюдо.*) Ох, да ты все молоко уже выпил. И блюдо, как всегда перевернул. Сумасшедший кот. Драть тебя некому. Сколько раз просил, не переворачивай ты его... (*Наливает молоко.*) Маркиз, я ж совсем забыл... И ты, дармоед, не напомнил! Я ведь собирался сегодня по музеям пройтись.

Начинает суетиться. Достает откуда-то галстук-бабочку, щетку. Чистит халат, бабочку. Застегивается на все пуговицы. Достает облупившееся по краям зеркало. Оглядывает себя.

(Самодовольно.) Отлично. Хотя бабочку можно бы и поновей. Да и халат тоже... Но, но, но! Элегантен, как рояль! А? Ловкач и выжига! Хе-хе. (Накручивает диск телефона, говорит важным голосом.) Алло. Аристарха Евфратовича будьте добры. Оленин говорит. Он знает. Алло, Аристарх Евфратович? Добрый день. Узнали? Да, Оленин. Я вам на прошлой неделе ружье Тургенева приносил. Ну, да... Остаток ствола. Ржавый. От разорвавшегося ружья. Да, и в дневниках этот случай описан. А я утверждаю, что описан. И прошу за него всего-то четыре тысячи рублей. Да, рублей. Смешные деньги. Ну и что? Зато он настоящий. Как кто может подтвердить? Я! Я могу! Или вам моего слова мало? Ну, знаете! Вас антиквар в третьем поколении с пятидесятилетним опытом работы уверяет, что вещь подлинная, и это не аргумент? Как вас с таким подходом взяли музеем руководить? Я бы вас туалетом на улице управлять не допустил. Профессионалам он не доверяет! Да мне начхать на ваши экспертизы. Соплями начхать! И растереть! Да как вы смеете?!... Трубку бросил. Скотина! Маркиз, ты слышал? Как же я не люблю эту братию! Передушил бы, как котов! Ой, Маркиз, извини. К тебе это не относится. Ты у нас человек порядочный. (Копается в записной книжке.) Кто у нас тут еще есть? Вот... (Набирает номер.)

Звонок в дверь. Оленин вешает трубку, идет к двери.

ОЛЕНИН. Ну?

ДЕТСКИЙ ГОЛОС. Это Коля.

ОЛЕНИН (в сторону). Шарахнуть бы тебя об забор, Коля. (Громче.) Иди домой.

ДЕТСКИЙ ГОЛОС. Я вам собачку принес.

ОЛЕНИН. Какую еще собачку? У меня кот живет!

ДЕТСКИЙ ГОЛОС. Праправнучку Муму.

ОЛЕНИН (в сторону). Это ты, наверное, мать свою принес, негодяй маленький. (Громко.) Иди домой, Коля. И прекрати таскать мне всякое непотребство. Муму — вымышленный персонаж. И потом ее утопили раньше, чем она принесла потомство.

ДЕТСКИЙ ГОЛОС. Значит, не возьмете?

ОЛЕНИН. Нет. Может, мне еще и тебя взять?

ДЕТСКИЙ ГОЛОС (весело). Я к вам не пойду. Я у вас с ума спрыгну. Такой же, как вы, стану!

ОЛЕНИН. Что? Вон отсюда! А то я возьму старый штуцер и выстрелю тебе солью в зад!

Звонок громко верещит, затем слышны шаги убегающего ребенка.

ОЛЕНИН (кричит двери). Уши отрежу и коту скормлю! (Уходит от двери, бормоча.) Выросли цветочки на помойках. (Возвращается к телефону.) Кто у нас тут следующий?.. (Звонок в дверь.) Да что ж это такое!

Оленин подходит, долго смотрит в глазок.

(Оборачивается, шепчет.) Маркиз, там какой-то мужик с телеграфным столбом. Представляешь? Зачем мне телеграфный столб? Электричество он тут собрался проводить, что ли? Так у меня есть вроде. (Щелкает выключателем, загорается лампочка.) Да, есть. (Снова звонит звонок.) Ну?

КИРСАНЫЧ. Отец, я тут тебе матч принес.

ОЛЕНИН (оглядывается по сторонам, словно прикидывая, где разместить столб, суетливо спрашивает). Какой еще матч?

КИРСАНЫЧ. А нет. Не матч. Мачт! От корабля старинного. От этой... Непобедимой! Как ее, шайтан... Непобедимой Армады.

ОЛЕНИН. И откуда она у тебя?

КИРСАНЫЧ. Из Испании.

ОЛЕНИН. Хе-хе. На себе нес из Испании или помог кто?

КИРСАНЫЧ. Зачем на себе, ата? На корабле. У меня брат моряк. На сухогруз ходит. Он привез.

ОЛЕНИН. А про меня откуда узнал?

КИРСАНЫЧ. Соседи ваш рассказали. Живет, это, в первой квартире... Этот... У, шайтан... Антиквар живет. Понял, да?

ОЛЕНИН. Это верно, я антиквар, а вот вы кто?... *(Открывает дверь, смотрит через цепочку, потом открывает и цепочку.)* Ладно. Вносите. *(Кирсаныч вносит черный обломок бревна и с интересом оглядывается по сторонам.)* Мачта... Давайте посмотрим, что за мачта...

Ходит вокруг обломка, потягивает носом воздух, словно бы принюхиваясь. Когда поворачивается спиной к Кирсанычу, тот, улыбаясь, крутит у виска, шепчет: «Правду говорили, привет старикашка». Оленин медленно опускает руки на бревно, тут же отдергивает, суетливо отходит в угол, достает кошелек, считает украдкой деньги.

ОЛЕНИН. На еду совсем ничего не останется. А пенсия двадцать первого. Три дня... Ладно, хлеб пока есть. На молоко Маркизу тоже хватит. Ну, развею водой немного, в крайнем случае. А может, и так хватит. За свет опять заплатить не получится. Ладно, не в первый раз. *(Поворачивается.)* Вот, сто двадцать рублей. Больше не просите, все равно не дам. *(Начинает выпроваживать.)*

КИРСАНЫЧ. Э-э! Да этот бревен просто так в подъезд занести и то больше стоит!

ОЛЕНИН. Нету денег. Как говорил Борис Березовский, «деньги были, деньги будут, сейчас денег нет». Идите, юноша.

КИРСАНЫЧ. Что значит, нету? Ата, так не разговор. Не нужен этот колдобина, обратно отнесу. Или просто тут сяду и все. Понял, да?

ОЛЕНИН. А ну-ка вон отсюда!

КИРСАНЫЧ *(с деланной усталостью)*. Ой, не шуми, ата, голова заболит. *(Достает сигареты.)*

ОЛЕНИН. Здесь нельзя курить! Здесь исторические реликвии хранятся!

Кирсаныч, улыбаясь, закуривает, хитро щурится, демонстративно стряхивает пепел на пол.

ОЛЕНИН. Ах, так?! Ну, смерд, пожалеешь. *(Начинает шарить по полкам, вытаскивает кремневый пистолет, взводит курок.)* Молись, азиатская рожа!

КИРСАНЫЧ. Э-э, ты чего?

ОЛЕНИН. Чего-чего... Сейчас я тебе третий глаз во лбу открою! Ни один шайтан не закроет!

КИРСАНЫЧ. Хорош уже! Вдруг заряжен?

ОЛЕНИН. Заряжен, Мамай, не сомневайся. Это пистолет кавалерист-девицы Дуровой. Она из него десяток французов в восемьсот двенадцатом положила. Сейчас и ты ляжешь. Ну! *(надвигается на него)*

КИРСАНЫЧ *(тушит окурок пальцами, прячет за ухо, по-доброму говорит)*. Правду про тебя люди говорили, вся голова ненормальный. *(Оборачивается у двери, с легким восхищением говорит.)* Но ты ураган-дед! Понял, да? Уважаю! *(Уходит.)*

ОЛЕНИН *(закрывает дверь, говорит нервно и радостно)*. Браво, Оленин! Браво! Кутузов и Наполеон в одном лице! Не грех и... Хе-хе... Отпраздновать викторию.

Выпивает. Садится рядом с бревном. Трогает его руками, гладит, потом обнимает,

ложится грудью, свет приглушается. На стенах отблески, как от волн. Слышен шум моря, гул, как от далеких взрывов, треск дерева. Сумрак вздрагивает красным. Оленин говорит с закрытыми глазами, как сомнамбула. Комната постепенно наполняется музыкой и грохотом морского сражения, сквозь который слышен голос Оленина.

Все горит. Дым. Кислый запах пороха. Грохот. Пушки стреляют. Как будто под дых бьют. Хряск дерева. Во все стороны разлетаются обломки. Впиваются в тело... Куски железа... Отрывают от людей клочья мяса... Кровь повсюду... Скользко... Не устоять на ногах. Палуба покрыта опилками и кровью. Опилки, чтобы не скользить по крови. Но все равно скользко. Боль... Кричат люди. Живые так кричать не могут. Это мертвые кричат. Просто они еще не знают, что умерли. В трюмах захлебываются раненые... Ползут по лестницам вверх. Как черви. Давят друг-друга. Но вода наступает быстрее. Из трюма поток горячего воздуха... Корабль тонет...

Снова звонок в дверь. Почти тут же звонок по телефону. Несколько секунд Оленин мечется, словно не понимая, где находится, и не зная, куда подойти сначала. Он растерян. В итоге выбирает дверь.

ОЛЕНИН. Ну?

(*Кто-то деланным голосом.*) Письмо Венеры Милосской Нике Самофракийской не интересует? (подростковые голоса наперебой) От мертвого осла уши? Рукава от жилетки? Нос Буратино! Все настоящее! Паспорт Чингачгука?!..

Он бросается к телефону, но тот уже умолкает.

ОЛЕНИН (*кричит двери*). Спиногрызы бессовестные! А если это из музея звонили? Хотели купить что-нибудь? А, бестолочи?

ПОДРОСТКИ (*наперебой*). Есть пенсне царя Соломона! Череп Вольтера-ребенка! Силиконовая грудь Клеопатры! Ундервуд Софокла!

ОЛЕНИН. Варвары! Коту кормлю!

ПОДРОСТКИ (*смеясь*). Какому коту, убогий? Твоего кота пять лет назад машиной переехало. Хорош бредить!

ОЛЕНИН. Это вас машиной переехало! А Маркиз сегодня молоко вылакал и блюдо перевернул. Сейчас возьму шашку и порублю в капусту! Или в милицию позвоню!

ПОДРОСТКИ. Милиция на вызовы из дурдома не приезжает!

ОЛЕНИН (*хватает ржавую шашку, распахивает дверь*). Ну, погодите...

Слышен топот и смех.

ОЛЕНИН (*кричит в подъезд, подняв шашку*). У, бесенята!

Телефонный звонок. Оленин спешно закрывает дверь, срывается с места.

ОЛЕНИН. Да. Оленин. (*Гневно.*) Что?! Опять вы! Никуда не поеду! Ни в Теплый Стан! Ни в Тушино! Ни в Бобруйск! Животные. Никуда! На носу себе зарубите! На носу поганом своем так и зарубите! Топором! Ясно? Выселите? Раньше я вас всех выселю! Из нор ваших крысиных! Выселят они... Не надо меня пугать! Я пуганный. Сам кого хочешь напугаю. Спокойно она говорит... Это я спокойно говорю! Никуда не поеду! Мой дом. Все. (*Швыряет трубку.*) Надоели! Так, что я хотел? (*Растерянно оглядывается.*) Я же что-то делал... Что? А, музеи!

Звонок в дверь. Оленин подходит.

ОЛЕНИН. Ну?

ЧЕЛОВЕК С ЧЕРНИЛЬНИЦЕЙ. Уникальная вещь, чернильница Бакунина.

ОЛЕНИН (*приоткрывает дверь, не снимая цепочки, говорит хмуро*). Суйте. (*Внутрь просовывается рука с небольшим прозрачным пузырьком. Оленин недоверчиво смотрит на нее, потом касается кончиками пальцев.*) Пустышка.

ЧЕЛОВЕК С ЧЕРНИЛЬНИЦЕЙ. Нет-нет. Точно Бакунина!

ОЛЕНИН. Пустышка. Вранье. Уберите руку.

ЧЕЛОВЕК С ЧЕРНИЛЬНИЦЕЙ. Господин Оленин, точно говорю.

ОЛЕНИН. Хотите рубль за нее? Из уважения к старине.

ЧЕЛОВЕК С ЧЕРНИЛЬНИЦЕЙ. Рубль?! За чернильницу Бакунина?!

ОЛЕНИН. За пузырек.

ЧЕЛОВЕК С ЧЕРНИЛЬНИЦЕЙ. Ну, знаете!..

ОЛЕНИН. Нет? Тогда уберите руку. (*Начинает прикрывать дверь, рука исчезает.*) Опять с мысли сбили. А, музеи! Вот. (*Подходит к телефону, листает записную книжку, набирает номер.*) Богдан Ильич? Здравствуйте. Как самочувствие? Это Оленин. Не помните? Антиквар! Да, тот самый... (*Недоуменно смотрит на трубку.*) Связь прервалась... (*Снова набирает номер.*) Але? Тут что-то со связью... Але! Трубку бросил. Ах, негодяй! (*Листает записную книжку.*) Липницкий... Нет. Шлейзе... Шайзе! А это кто? Х-н-к-но-сян... Дал же Бог фамилию... Тоже нет. Заспанцев... К черту...

Звонок в дверь.

ОЛЕНИН. Да что ж за черт! Безумие какое-то! (*Подходит к двери.*) Ну? (*Неуверенный, сбивающийся голос.*) Здравствуйте! (*Пауза.*)

ОЛЕНИН (*нетерпеливо*). Ну и?..

ЕФИМЦЕВ (*чуть громче*). Здравствуйте.

ОЛЕНИН. Здоровались уже! Что надо?

ЕФИМЦЕВ. Мне нужен господин Оленин.

ОЛЕНИН. Это я.

ЕФИМЦЕВ. У меня к вам дело... Я слышал... Дошли слухи, что у вас есть... Есть веревка... (*Пауза.*)

ОЛЕНИН. Прекратите мямлить. У меня много что есть. Что конкретно вас интересует?

ЕФИМЦЕВ. Да... Веревка русских поэтов.

ОЛЕНИН. Что?

ЕФИМЦЕВ. Веревка, на которой повесился Сергей Есенин...

ОЛЕНИН. Допустим. И что?

ЕФИМЦЕВ. Можно мне войти?

ОЛЕНИН. Еще не знаю.

ЕФИМЦЕВ. Видите ли, я тоже поэт. Ефимцев моя фамилия. Не слышали?

ОЛЕНИН. Нет.

ЕФИМЦЕВ. Никто не слышал. Вы не подумайте, я понимаю, какая это святыня. Мы хотели бы приобрести у вас веревку.

ОЛЕНИН. Приобрести? Я не продаю свои экспонаты частным лицам. Только музеям!

ЕФИМЦЕВ. Я от музея!

ОЛЕНИН (*несколько растерянно*). О, как... От какого?

ЕФИМЦЕВ. От Рязанского... Рязанского краеведческого музея.

ОЛЕНИН. А документ у вас есть?

ЕФИМЦЕВ. Да-да. Вот. (*Оленин открывает дверь, оставляя цепочку застегнутой.*) Вот. (*В щель просовывается пропуск.*)

ОЛЕНИН (*внимательно изучает, говорит строгим голосом*). Просрочен!

ЕФИМЦЕВ (*поспешно*). Я не успел продлить! Но когда вернусь, обязательно...

ОЛЕНИН *(после паузы)*. Хорошо, входите. *(Открывает дверь, выпускает Ефимцева. Длинный, нескладный, не знает, куда девать руки, топчется на месте, озирается. Оленин закрывает за ним дверь, по привычке прячет ключ в карман. Чувствуется, что он и сам волнуется.)* Так... Так... Это очень хорошо, что ваш музей заинтересован... Я рад...

ЕФИМЦЕВ. Я тоже. Можно взглянуть?

ОЛЕНИН. На что?

ЕФИМЦЕВ. На веревку.

ОЛЕНИН. Ах, да, конечно... *(Смотрит в своей книге, ставит стремянку, ищет на полках, бормочет.)* Полка три, место тринадцать.

Снимает полиэтиленовый пакет, развязывает, летит пыль, Оленин чихает. Достает веревку с петель.

ОЛЕНИН. Вот она.

ЕФИМЦЕВ. Неужели та самая?

ОЛЕНИН. Не сомневайтесь.

ЕФИМЦЕВ. Можно? *(Трепетно берет ее в руки, смотрит, непроизвольно трогает себя за шею.)*

ОЛЕНИН. Но я должен быть уверенным, что она не будет лежать в запасниках!

ЕФИМЦЕВ *(после паузы)*. Нет, конечно, не будет. Такая вещь... А как она к вам попала?

ОЛЕНИН. Человек принес.

ЕФИМЦЕВ. Она ведь должна быть в архиве ОГПУ.

ОЛЕНИН *(пожимает плечами)*. Наверное, тот человек украл ее. Люди вообще вороваты.

ЕФИМЦЕВ. Давно это было?

ОЛЕНИН. Что?

ЕФИМЦЕВ. Веревку вам принес тот человек.

ОЛЕНИН. Не очень. Лет тридцать назад.

ЕФИМЦЕВ. Я тогда еще не родился.

ОЛЕНИН. Для вас, значит, давно. Извините, я бы хотел узнать, сколько вы за нее можете дать денег?

ЕФИМЦЕВ. А? Денег? *(Не отрывая глаз от веревки.)* Двести тысяч.

ОЛЕНИН. *(пораженно)* Двести тысяч?

ЕФИМЦЕВ. Да.

ОЛЕНИН *(заглядывает ему в лицо)*. Вы не обманываете? Правда?

ЕФИМЦЕВ. Правда.

ОЛЕНИН *(приходит в возбужденное состояние)*. Двести тысяч... Двести тысяч! Боже мой! Боже мой! Это ж тогда можно!.. *(оглядывается вокруг)* Знаете, у меня есть мечта. Вы видите все эти экспонаты? Это собрание начал собирать мой прадед, потом дед собирал, теперь вот я. И, знаете, здесь все настоящее. Все до последней пылинки! Я такие вещи чувствую. Если вещь настоящая, связана с чем-то большим, по ней словно ток идет. Вот как по этой веревке. Вы чувствуете? Ток? Чувствуете?

ЕФИМЦЕВ. Да... Чувствую.

ОЛЕНИН. Вот-вот. И здесь везде так. *(Показывает вокруг.)* Троньте это. Или это. Столько подлинных исторических памятников, но никто их не видит. Словно они в землю зарыты. А я бы очень хотел показать их. Но ведь нигде! А вот если у меня будет двести тысяч, я ведь смогу арендовать зал в каком-нибудь музее и там показать свое собрание! Понимаете? Должны же люди почувствовать, что это подлинники! Что это живая история! Должны! А дальше дело пойдет. Начнут приглашать в разные города. Даже, может быть, другие страны! Надо только начать. Вы пришли с таким предложением! У меня просто сердце трясется! Нет слов! *(Потирает ручки, хихикает,*

восторженно бормочет что-то себе под нос.) Может быть, по такому случаю... *(Показывает большим и указательным пальцем правой руки.)* Чуть-чуть? А? Не против?

ЕФИМЦЕВ. Я? Нет. Я только за.

Оленин достает бутылку, стопки, ставит на стол и, напевая, убегает за закуской на кухню. Ефимцев смотрит ему вслед и идет к двери. Дергает ручку, дверь не открывается. Начинает отчаянно метаться по квартире с веревкой в руках. Привязывает петлю к ручке стремянки. Ручка почти на уровне его головы. Петлю на шею не затягивает. Тяжело дыша, стоит несколько секунд, морщится, шепчет что-то. На пороге появляется Оленин, оторопело смотрит на Ефимцева. Тот замечает его, подпрыгивает, подгибает ноги. Петля затягивается у него под носом. Ефимцев взвизгивает от боли. Ножки стремянки разъезжаются, Ефимцев падает. Все выглядит и смешно, и трагично одновременно.

ОЛЕНИН *(растерянно)*. Вы что?.. Вы как?.. Живы?... *(Гневно.)* Вы что творите? Вон! Вон отсюда!

Оглушенный Ефимцев начинает шевелиться под стремянкой, пытается ползти, со скрежетом тащит стремянку за собой. Оленин бросается к нему, снимает петлю. Поднимает стремянку. Бережно убирает веревку в полиэтиленовый пакет. Ефимцев сидит на полу, держится за нос.

ОЛЕНИН *(нервически бормочет)*. Дошла страна! Явилось поколение! Повеситься не умеют. Господи, откуда ж столько идиотов в Россию нанесло? Бедная ты моя Родина-мать... *(Поднимается по стремянке, убирает пакет на полку.)* Родина слонов и идиотов. За нос себя подвесить решил. За нос! Это додуматься надо! Во фантазия! *(поворачивается к Ефимцеву)* Вон отсюда, я сказал! Вон!

Ефимцев сидит в оцепенении, Оленин хватается за руку, тащит к двери.

ОЛЕНИН *(сдавленным голосом)*. Вон! Краевед рязанский! Святотатец! *(выпроваживает, закрывает дверь)*

Выпивает стопку водки. Мечется по квартире. Хватается за голову.

ОЛЕНИН. Это он что, по-настоящему? А если бы?.. Если смог бы? А? Ну, если получилось бы? Идиот. Ему ведь лет двадцать — двадцать пять, да? Такой молодой... И уже такой идиот. Мать у него, наверное, есть. Отец... *(Оглядывается на портреты детей.)* А он, глядите, вешаться собрался. Им-то каково будет? Подумал он? Какой же дурак! Ох, какой дурак! Молодой, высокий, поэт. Что ж не жить-то? Экая бестолочь. И, главное, почему у меня? Места другого нет? В России столько деревьев! Миллионы, миллиарды деревьев! Казалось бы, выбирай любое и вперед. Нет, ему надо у меня, у антиквара Оленина в квартире повеситься! Мало мне своих забот. *(Пауза.)* Вот ушел куда-то. Куда? Я-то тоже хорош. *(Из-за двери слышен то ли стон, то ли вой. Оленин смотрит в глазок, кричит сквозь дверь.)* Прекратите выть! Слышите? *(Стучит по двери ладонью.)* Я вам говорю! Прекратите выть! Да что же это такое? *(Приоткрывает дверь, вой становится громче.)* Я... Я милицию сейчас вызову! Как шакал, ей богу! Замолчите! Перед соседями неудобно. А, черт... *(Скидывает цепочку, затаскивает Ефимцева в квартиру, сажает на стул возле стола.)*

ЕФИМЦЕВ *(закрыв лицо руками)*. Ничего не сумел в жизни. Ничего. Даже повеситься и то не смог. Бездарь. Неудачник. Как жил ничтожеством, так и...

ОЛЕНИН *(растерянно)*. Ну, ладно, ладно... Что вы... Вот, выпейте. Пейте, пейте. Водка полезна. Бывает... *(Наливает водки, Ефимцев выпивает, кашляет.)* Закусите.

ЕФИМЦЕВ (*сквозь всхлипы*). Кто ж водку сухарем закусывает...

ОЛЕНИН. Это хлеб. Подсох просто.

ЕФИМЦЕВ. Ничтожество. Мелочь. Таракан. (*Оленин принимает это на свой счет, гневно выпрямляется.*) Поэтишка.

ОЛЕНИН (*облегченно вздыхает*). У вас что-то случилось?

ЕФИМЦЕВ. Да ничего! Понимаете, в том-то и дело, что ничего у меня не случилось! Мне двадцать два года, а у меня до сих пор ничего в жизни не случилось! Ни любви, ни признания, ни взлетов, ни падений, ничего! Даже трагедий серьезных в жизни не было!

ОЛЕНИН. Вам что, трагедий не хватает?

ЕФИМЦЕВ. Да нет... Не в трагедиях дело, конечно. Просто жизнь, как тряпка. Безвкусная, бесформенная, бесконечная тряпка. Влажная, теплая... И вот я жую ее, жую. Зачем? Не знаю! Не хочу я такую жизнь! Понимаете? Я поэт. Стихи пишу. А они выходят тусклые, вялые, как... Как рыбы потрошенные. Бывает, конечно, блеснет что-то, и кажется, вот еще чуть-чуть и из меня хлынет большое, ревущее, горящее. И небо развернется, как свиток... Помните, в Апокалипсисе? Там небо сворачивается, как свиток, а я все жду, когда оно развернется, как свиток. Жду, жду... А жизнь уходит. Кровь остывает. Вот Есенин... Мне кажется, когда он писал, то, не касаясь земли, ходил и воздух вокруг него звенел. А от моих стихов только... пятки чешутся...

ОЛЕНИН. И что же вы думали, если на его веревке повеситесь, откроется вам что-то?

ЕФИМЦЕВ. Да ничего я не думал! Хотя... Нет, думал, конечно. Думал. Если не в стихах к нему приблизиться, так хоть в смерти где-то рядом встать. Меня ведь, знаете, даже не печатают почти. Один раз напечатали, да и то, словно поиздеваться решили. Наша местная газетенка... Бумага плохая, шрифт скособолен. Стихи на последней странице были, с правой стороны колонка. Так у них там правый край пропечатался плохо, концов строчек не видно было. Какие-то обрывки фраз, без рифмы, без смысла. «Когда мне гру... И льет печа... В полнеба го... На серый ту...» Впечатляет? Надо мной потом все эти наши рязанские недопоэты издевались. (*Кривляется.*) «А почитай-ка, брат Ефимцев, что-нибудь из своего классического: «Офелий ру... И лилий ку...» Смешно, правда?

ОЛЕНИН. Я вам сейчас одну вещь покажу... (*Идет к полкам, копается, летит пыль, Оленин смешно чихает.*) Вот, «Новый журнал для всех». Тысяча девятьсот пятнадцатого года. Читайте.

ЕФИМЦЕВ (*читает*). Потонула деревня в уха... Заслонили избенки ле... Только видно, на кочках и впа... Как синеют кругом не... Есенин, «Русь».

ОЛЕНИН. Не вы первый, не вы последний.

ЕФИМЦЕВ (*возвращает журнал Оленину, неловко переминается с ноги на ногу*). А вы знаете легенду про эту веревку?

ОЛЕНИН. Я не люблю легенд. Им нельзя доверять.

ЕФИМЦЕВ. Да, я понимаю. Но это очень интересная легенда. Говорят, что на этой же веревке повесилась Марина Цветаева.

ОЛЕНИН. Чушь! Может, и Достоевского на ней же вешали?

ЕФИМЦЕВ. ...И еще с десятков менее известных и совсем никому не известных поэтов на ней же... Эту веревку еще называют «веревкой русских поэтов». Говорят, она ходит по стране и собирает свой урожай.

ОЛЕНИН. Ну, вообще она действительно... Вся боль и ужас. Но чтобы и Есенин, и Цветаева, и еще с десятков... Нет, не думаю.

ЕФИМЦЕВ. Я, наверное, пойду.

ОЛЕНИН. Да, конечно. (*Ефимцев идет к двери.*) Молодой человек, скажите, про музей и двести тысяч вы наврали?

ЕФИМЦЕВ. Извините... Так вышло.

ОЛЕНИН (*кивает головой*). Жаль...

ЕФИМЦЕВ. До свидания. (*Уходит.*)

Оленин закрывает дверь, садится в луче света из окна. По сцене, завывая, метет ветер, летят желтые листья, листы бумаги. Слышатся обрывки стихов, заглушаемые ветром.

Конец первого акта.

ВТОРОЙ АКТ

ОЛЕНИН (*сидит у стола в луче света и накручивает диск телефона*). Четыреста-ноль-ноль-ноль-ноль. (*Робко.*) Але? Занято. Потом перезвоню. (*Нажимает на рычаг.*) Четыреста-ноль-ноль-ноль-один. Занято. Четыреста-ноль-ноль-ноль-два. Не берут. (*Нажимает на рычаг.*) Четыреста-ноль-ноль-ноль-три... Четыреста-ноль-ноль-ноль-четыре. (*Робко, просительно.*) Але? Але! Лёнчика можно? Оленина. Нет? А Вареньку? Нет таких? Как же это... (*Нажимает на рычаг.*) Четыреста-ноль-ноль-ноль-пять. Не берут...

Луч гаснет. Музыка. Луч загорается.

Четыреста два — ноль-ноль-двадцать-три. Занято. (*Нажимает на рычаг.*) Четыреста два — ноль-ноль-двадцать четыре. Але, Лёнчика можно? Лёнчика Оленина. А Вареньку? Вареньку! Тоже Оленину. (*Нажимает на рычаг.*) Четыреста два — ноль-ноль-двадцать-пять. Лёнчика можно? Лёнчика. А Вареньку? (*нажимает на рычаг*) Четыреста два — ноль-ноль-двадцать шесть. Занято.

Луч гаснет. Музыка. Луч загорается.

Четыреста три — семьдесят один — двенадцать. Не берут... Четыреста три — семьдесят один — тринадцать. Лёнчика можно? Лён-чи-ка. А Вареньку? Ва-рень-ку. Нет?..

Луч гаснет. Музыка. Луч загорается. Оленин сильно устал, говорит осипшим голосом.

Четыреста три — семьдесят один — четырнадцать. Не берут... (*Нажимает на рычаг.*) Четыреста три — семьдесят один — пятнадцать. Не берут... Не берут... Не берут... Не берут...

Затемнение. Музыка. Просветление. Оленин сидит неподвижно и смотрит в пустоту. Рука с трубкой лежит на столе. Раздается звонок в дверь. С третьего звонка Оленин медленно поворачивает голову к двери. Некоторое время недоуменно смотрит на нее, потом поднимается и идет.

ОЛЕНИН (*глухо*). Ну?

КИРСАНЫЧ. Откройте, это электрик из этого... Шайтан... Из ЖЭК я.

ОЛЕНИН. Я никого не вызывал.

КИРСАНЫЧ. Меня не зовут, я сам прихожу. Электричество резать буду.

ОЛЕНИН. Как это резать?

КИРСАНЫЧ. Насовсем. Отключать то есть.

ОЛЕНИН (*заводится*). В честь какого это праздника?

КИРСАНЫЧ. Ты, ата, больше года не платишь. Понял, да? Семь тысяч долг. Нехорошо. Резать буду.

ОЛЕНИН. Что за чушь!

КИРСАНЫЧ. У меня бумаг с печатью есть. Красивый, ммм! Постановление об отключении. Открой, покажу.

ОЛЕНИН (*открывает дверь, не снимая цепочки*). Давайте. (*Берет бумажку, читает, с негодованием швыряет обратно*.) Фальшивая!

КИРСАНЫЧ. Э, нет. Подпись, печать, красивая. Настоящая, короче. Я бы сам так не нарисовал.

ОЛЕНИН (*высокомерно*). И что вы хотите?

КИРСАНЫЧ. Поговорить. Человек ты хороший, интересный. Жалко такого без света оставлять. Может, помочь смогу, понял, да?

ОЛЕНИН (*с сарказмом*). Чем это, интересно, вы мне помочь сможете?

КИРСАНЫЧ. Словом и делом, как говорится. Как у нас в ЖЭК говорят, доброе слово и пистолет значат гораздо больше, чем просто доброе слово. А? (*Смеется*.)

ОЛЕНИН. Я не нуждаюсь ни в вашей, ни в чьей бы то ни было помощи.

КИРСАНЫЧ. Ой, дорогой, не нуждаешься, хорошо, я сейчас свет вырублю и привет. Делов-то.

ОЛЕНИН (*после колебаний открывает*). Ладно-ладно, входите.

КИРСАНЫЧ (*входит, осматривается, на боку у него сумка с инструментами*). Красиво тут как, а? (*Идет меж полок, протягивает руку, хочет что-то потрогать*.)

ОЛЕНИН (*с беспокойством наблюдая за ним*). Не надо ничего трогать! Здесь много хрупких вещей.

КИРСАНЫЧ. Я вижу. Прямо музей.

ОЛЕНИН (*недовольно*). У меня лучше, чем в музее. Музейщики не всегда выставляют оригиналы. Да и когда думают, что выставляют оригиналы, тоже часто ошибаются. У меня все настоящее.

КИРСАНЫЧ. А ты почему уверен, что настоящее?

ОЛЕНИН. Меня, юноша, не обмануть. Да. Я правду на два метра под землю вижу.

По потолку тяжелые шаги. Скрипят полы. Оба смотрят вверх.

ОЛЕНИН (*ворчит*). Что ж там за громадина ходит?

КИРСАНЫЧ (*смеется довольный*). Но у меня-то не увидел!

ОЛЕНИН. Чего не увидел?

КИРСАНЫЧ. Правду.

ОЛЕНИН. Какую?

КИРСАНЫЧ. Таковую! Бревно-то самый обыкновенный я тебе принес. Шайтан. Понял, да? (*Смеется*.)

ОЛЕНИН (*серьезно*). Нет... Нет, юноша. Это в самом деле кусок корабельной мачты. Вы его где нашли?

КИРСАНЫЧ. На берег Москва-реки.

ОЛЕНИН. Вот. А Москва у нас порт пяти морей. Сюда столько добра попадает со всех концов света. Что-то специально привозят, что-то случайно. Может, это бревно и не от корабля Непобедимой Армады, но через какое-то сражение оно точно прошло.

КИРСАНЫЧ (*пожимает плечами*). Ой, не верю я в чудеса! Жизнь отучил. Меня Кирсаныхом зовут.

ОЛЕНИН. Оленин.

КИРСАНЫЧ. На самом деле я Кирсан, но все Кирсанычем называют.

ОЛЕНИН. Почему?

КИРСАНЫЧ *(пожимает плечами)*. Не знаю. Вас, русских, не поймешь. У нас в ЖЭКе старик-сантехник работает. Шестьдесят два года старый. Его до сих пор Дениском зовут. Дениском, понял, да? У него зубов две штуки, волос — три, и он Денисок. А мне сорок пять всего, у меня что зубов, что волос хоть продавай, и я Кирсаныч! *(Неловкая пауза.)* Вот и познакомились. И на душе приятней стало, скажи?

ОЛЕНИН *(пожимает плечами)*. Да уж...

КИРСАНЫЧ. Ладно, я сейчас тебе свет немного поколдую. Он сначала погаснет, а потом я скажу «да будет свет» и он снова загорится. Так что ты не пугайся, смотри. Хорошо?

ОЛЕНИН. Я? Пугаться?

КИРСАНЫЧ. А, точно! Тебя не просто испугать! Понял, да? *(Смеется, наставив на Оленина руку в виде пистолета.)*

ОЛЕНИН. В мои годы, юноша, не пугаться надо, а готовиться.

КИРСАНЫЧ. К чему? *(Оленин мрачно смотрит на него.)* А!..

Кирсаныч, поперхнувшись смехом, умолкает и отправляется разбираться с проводкой. Дверь остается открытой, он копается и разговаривает с Олениным.

КИРСАНЫЧ. Я вообще недавно в ЖЭКе работаю. Делаю, что баба скажет. Там в ЖЭКе главный баба есть. Толстый! Я таких никогда не видал. С «Жигули» толщиной. Грудь, как два газовых баллона. Честно, не вру. На «Газели» ездит...

ОЛЕНИН *(сам с собой)*. Так. Детям я собирался позвонить. *(открывает тетрадку)* На чем мы тут в прошлый раз остановились? Четыреста три — девяносто — пятьдесят. *(Набирает номер.)* Не берут. Четыреста три — девяносто — пятьдесят один. *(Робким, просительным голосом.)* Алё? Лёничка Оленина будьте добры. Нет таких? Тогда Вареньку. Тоже нет... Спасибо. Четыреста три — девяносто — пятьдесят два. Занято. Потом. *(Делает пометки в тетради.)* Четыреста три — девяносто — пятьдесят три. Не берут...

КИРСАНЫЧ. Я тут сейчас основной провод перережу. *(Свет гаснет.)* А потом потихоньку другой провод кину. И все будет хорошо-хорошо. Понял, да? Сейчас многие так живут. Им свет отрежут, а они электрика пригласят, две тысячи ему дадут — слышишь, две тысячи дадут! *(В ответ тишина, он вздыхает.)* ...и все снова работает. Кофемолки-шмофемолки, микроволны-шмикроволны, телевизор-шмелевизор... Понял... Да...

ОЛЕНИН. Дверь прикройте, как бы кот не сбежал.

КИРСАНЫЧ. У тебя кот есть? Люблю котов. Верблюдов, правда, больше люблю, но котов тоже люблю. А где он? Прячется? Был бы у тебя верблюд, не спрятался бы. *(Прикрывает дверь, но в щель слышно, как он говорит.)* ...Ох, уж этот телевизор. Шайтан-труба! Я смотрю иногда. У-у-у! То со стыда горю, то со страха. Что показывают! Нет, что показывают! Адская кухня, не телевидение. Иногда думаю, хорошо, у меня детей нет. Раз нет, то и телевизора не испугаются. Наверное, конец света пришел сюда. Иначе такое не показывали бы. *(Кирсаныч вполголоса напевает «Мой адрес Советский Союз»)* Да будет свет! *(свет загорается, Кирсаныч входит внутрь.)* Ну, джигит сказал, джигит сделал! Молодец Кирсан, а? Честно сказать, первый раз такое сделал. Делал и думал, либо сделаю, либо током убьет.

ОЛЕНИН *(отвлекаясь от телефона)*. Ну, и как?

КИРСАНЫЧ *(радостно)*. Пронесло!

ОЛЕНИН. Бывает же... *(Продолжает крутить диск.)* Четыреста три — девяносто — пятьдесят четыре. *(Робким просительным голосом.)* Алё? Мне Лёничка. Лён-чи-ка

О-ле-ни-на. А Вареньку? Ладно... Четыреста три — девяносто — пятьдесят пять. Занято... Четыреста три — девяносто — пятьдесят шесть. Лёничка Оленина позовите. Просьба у меня к нему. Серьезная просьба. Очень серьезная. Важная. Вопрос жизни и смерти. Да, он прямо сейчас нужен. Нет, ждать не могу. Нет у вас никаких Лёнчиков? А зачем же расспрашивали? Вопросы эти зачем? Пенсия, скучно... (кивает понимающе) М-м. Чтоб вас черт съел! И вам всего хорошего. (кладет трубку и снова крутит диск)

КИРСАНЫЧ (*прислушивается*). Что за дело такое интересное занят? Телефоны по порядку перебирает. В Москве пятнадцать миллионов неселений. До-о-олго перебирать будет. Раньше палец сотрет. (*Трогает за плечо.*) Ата, что делаешь? Если не секрет.

ОЛЕНИН. Детей ищу.

КИРСАНЫЧ. Своих? (*Тихо.*) М-м-м-м. Несчастный человек. Избави Бог от такой доли. (*Вслух.*) Думаешь, найдешь? (*Оленин молчит, Кирсаныч трогает за плечо.*) Найдешь, думаешь?

Оленин словно бы сжимается под его рукой и продолжает крутить диск.

Четыреста три — девяносто — пятьдесят восемь. Занято. Четыреста три — девяносто — пятьдесят девять. Занято. Четыреста три — девяносто — шестьдесят.

Делает пометку в тетради, кладет трубку.

ОЛЕНИН. Ну, вы... это... Может, по рюмочке выпьем?

КИРСАНЫЧ (*радостно*). Это можно!

ОЛЕНИН. Пьете?

КИРСАНЫЧ (*широко улыбаясь*). Нет. Но с хорошим человеком всегда готов.

ОЛЕНИН. Я не очень хороший человек. Но выпить тоже... Всегда...

Оленин достает бутылку, хлеб. Выпивают.

КИРСАНЫЧ. Я вообще люблю водку. Но она, зараза, хитрая, не уследишь, когда она тебя без головы оставит.

ОЛЕНИН. Чего-то мне не по себе стало от вашего визита. Словно вы дыру мне в стене проделали и теперь ко мне всякий зайти может.

КИРСАНЫЧ. Нет, не переживай, я стены не трогал. Только провода порезал чуть-чуть и все.

ОЛЕНИН. Да, я не о том. Напугал ты меня, бес нерусский. Оказывается мною всерьез заняться решили, раз свет отключают.

КИРСАНЫЧ. Всерьез. Я слышал, у тебя и по квартплате долг.

ОЛЕНИН. Долги наши тяжкие... Сегодня звонили, сказали, чтобы я с квартиры в Теплый Стан съезжал. Дом твой, говорят, на капитальный ремонт идет.

КИРСАНЫЧ. Врут. Если б тут капитальный ремонт делать хотели, я бы знал. Я в ЖЭКе работаю.

ОЛЕНИН. Все врут, все врут... Вот и я думаю, хотят нас с котом просто из квартиры выкинуть, а потом продать ее за миллионы. Квартира хорошая. Район — лучше и желать нельзя. Осталось только старика с котом с места скovyрнуть, и дело в шляпе. Как думаешь, могут они такое замыслить? Эта твоя с газовыми баллонами...

КИРСАНЫЧ (*кивает*). Могут. Бывало такое уже. Я тут при ЖЭКе четвертый год, а уже такой страх видел, что тебе лучше не надо.

Оленин разливает водку по рюмкам. Кирсаныч смотрит.

КИРСАНЫЧ. Налей мне побольше, ата. Расстроил ты меня сильно. Не знал я, что тебя хотят из дома выгнать.

Выпивают.

ОЛЕНИН (*воодушевляясь*). Хи-хи. Только не все так просто в этом мире!

КИРСАНЫЧ. Нет!

ОЛЕНИН. Не все просто!

КИРСАНЫЧ. Да-да!

ОЛЕНИН. Плохо вы Оленина знаете! Я, конечно, не Ленин, но покажу вам новые горизонты. Меня голыми руками не возьмешь. Я до последнего драться буду.

КИРСАНЫЧ. Молодец, ата!

Оленин идет к полкам. Берет в одну руку старинный пистолет, в другую ржавую саблю. С комично-воинственным видом становится посреди сцены.

КИРСАНЫЧ. Ураган-человек! Джигит! Так их! Так их!

ОЛЕНИН. Ну, нелюди, где вы там? Подходи по одному! Сейчас! Кому пулю в лоб, кого саблей пополам! Махновская сабелька! Нестора Иваныча! Самого! Эх! (*Взмахивает саблей и едва не задевает радостно подскокившего к нему Кирсаныха.*) (*Кирсаныху.*) Ты хороший человек. Хочешь, я тебе бритву Хармса покажу? Хотя ты, наверное, и не знаешь, кто такой Хармс-то...

КИРСАНЫЧ (*грустно усмехаясь*). А вот тут ты не угадал, ата. Знаю, кто такой Хармс.

ОЛЕНИН (*недоверчиво*). Учти, это не еда и не животное.

КИРСАНЫЧ (*другим голосом, почти без акцента*). Да знаю, знаю.

ОЛЕНИН. Ой, врешь! Все врут.

КИРСАНЫЧ. Даниил Иванович Ювачев. «В часах что-то стукнуло, и ко мне пришли вестники. Я не сразу понял, что ко мне пришли вестники. Сначала я подумал, что попортились часы. Но тут я увидел, что часы продолжают идти и, по всей вероятности, правильно показывают время. Тогда я решил, что в комнате сквозняк. И вдруг я удивился: что же это за явление, которому неправильный ход часов и сквозняк в комнате одинаково могут служить причиной?» Что это у вас с лицом? Будто вы, не знаю, говорящего муравья увидели?

ОЛЕНИН (*смущенно*). Да я, так... Не ожидал просто. У меня дома, в обычной квартире, и вдруг ...говорящий муравьед. Хе.

КИРСАНЫЧ. Дело в том, что я не всегда был Кирсаныхом. До того, как переехать сюда, я преподавал историю в Ошском университете. И вел там же драмкружок. Вообще, я очень люблю театр. Этот запах, которого больше нигде нет, шорох занавеса, скрип половиц на сцене. Все эти театральные условности, натяжки, фанерные декорации. Я в юношестве пытался поступить в театральный институт, но не сложилось. Где-то в две тысячи первом мы ставили спектакль по прозе Хармса. Было очень забавно. «Вестников» читала Чолпон. Такая невысокая, чуть полноватая, но крайне пластичная девушка. Чол-пон. Динь-дон. Даже имя симпатичное, правда? Возможно... (*Пауза.*) моя последняя любовь...

Оленин, покашливая от смущения, быстро наливает еще по одной. Выпивают.

...И мы бы никогда не сидели вот тут с вами, но Киргизия — очень беспокойная страна. К тому же в последние двадцать лет у киргизов сложилась одна нехорошая традиция. Когда они начинают выяснять отношения между собой, то между делом

режут узбеков. Мать у меня русская, зато отец — узбек. Отсюда и неприятности. В определенный момент я понял, что для меня понятия жизни вообще и жизни в Киргизии стали несовместимыми. А я, знаете, люблю жизнь. Люблю хороший достархан, хорошее вино, красивых женщин. Я собрал чемодан, бросил квартиру и приехал в Москву.

ОЛЕНИН. Почему в Москву, а не в Ташкент, например?

КИРСАНЫЧ. Ну, что вы... Кому сейчас нужны актеры или историки в Ташкенте? Думал, в Москве проще устроиться будет. И «понаехал». Только, оказалось, актеров здесь своих хватает... Походил по театрам, по пробам, бесполезно, не пробиться. А кушать-то хочется. И вот пришел однажды в местный ЖЭК и сыграл перед директором роль этакого прохиндея-гастарбайтера. Врал вдохновенно. От души. И, видимо, пронял директора. Взяла на работу. Без трудовой книжки, конечно, оплата в черную... Ладно, ерунда, главное, взяла. И с тех пор вот все играю. *(Трет лицо.)* Знаете, я уже почти разучился выходить из этой роли. Маску эту снимать разучился. Прирастает. Замечаю, что даже думаю теперь, как Кирсаныч, его словами думаю. И сны какие-то гастарбайтерские снятся. Черти что... Еще пара лет и совсем стану Кирсанычем. Можно считать, что это моя последняя роль.

Звонит телефон.

ОЛЕНИН *(резким неприятным голосом)*. Да. Нет. Убью! И не звоните сюда больше!

КИРСАНЫЧ. Кого это вы так?

ОЛЕНИН. Да так, одного сумасшедшего... Пятый год изводит меня всяким хламом. То рваный поводок собаки Качалова предложит, то протез ноги Карла двенадцатого, то деревянную обгрызенную ложку принесет и говорит, что это ложка Ермака... Недавно страницей из записной книжки Бисмарка терроризировал. Страница старая, это сразу видно, и вся сплошь покрыта совершенно одинаковыми крестиками. Он утверждает, что это шифр. Шифр! Как вам это нравится? Одинаковые крестики — шифр! Ужас. Какие-то нелепые фальшивки таскает постоянно. Надоел уже сверх меры. И ведь не поймешь, то ли врет, то ли сумасшедший. Знаете, сколько безумцев вокруг антикваров крутится? С таким окружением и в себе порой сомневаться начинаешь.

КИРСАНЫЧ *(с горькой усмешкой)*. Мне в себе сомневаться уже почти не приходится. Самоидентификация железобетонная. *(Сжимает кулак.)* Кир-р-р-р-р-саныч!

ОЛЕНИН. Я же обещал вам бритву Хармса показать! Пойдемте! *(Достает с полки опасную бритву.)* Вот. Только осторожней!

КИРСАНЫЧ. Неужели, правда, бритва Хармса? *(Оленин мелко кивает. Кирсаныч открывает ее, вертит в руках.)* А, шайтан, обрезался!

ОЛЕНИН. Я же говорил, осторожней!

КИРСАНЫЧ *(водит бритвой в воздухе перед собой, словно любитесь)*. «Горло бредит бритвою, а сердце рвется к выстрелу». *(Смеется.)*

Звучит музыка, странная, нелепая, изломанная, как творчество Хармса. По сцене катаются колеса, высоко прыгают мячи, разрисованные человеческими лицами с надутыми щеками. Свет мечется.

Часы стучат,
Часы стучат,
Летит над миром пыль.

В городах поют,
В городах поют.
В пустынях звенит песок.

Поперек реки,
Поперек реки
Летит копьё свистя.

Дикарь упал,
Дикарь упал
И спит, амулетом блестя.

Как легкий пар,
Как легкий пар,
Летит его душа.

И в солнце-шар,
И в солнце-шар
Вонзается, косами шурша.

Четыреста воинов,
Четыреста воинов,
Мигая, небу грозят.

Супруга убитого,
Супруга убитого
К реке на коленях ползет.

Супруга убитого,
Супруга убитого
Отламывает камня кусок

И прячет убитого,
И прячет убитого
Под ломаный камень, в песок.

Четыреста воинов,
Четыреста воинов
Четыреста суток молчат.

Четыреста суток,
Четыреста суток
Над мертвым часы не стучат.

Суматошные звонки в дверь. Музыка стихает.

ОЛЕНИН (*кричит в сторону двери*). Ну?

Звонок, захлебываясь, продолжает звонить. Музыка включается с новой силой. Раздаются детские голоса, которые вплетаются в музыку.

Новые вещи покупаем!
Старые вещи поджигаем!
Старикашек вызываем,
В крематорий отправляем.

В крематории веселье.
Каждый день там день рождения.
Целый день едят варенье.
Целый день едят печенье.

КИРСАНЫЧ (*рывком открывает дверь, говорит «страшным» голосом*). Это что за нескладушки-неладушки? (*Дети с визгом убегают, Кирсаныч хохочет и пинает им вслед мяч с лицом.*)

Затемнение. Кирсаныч и Оленин сидят за столом. Пьяно расслабленные.

ОЛЕНИН. Ну? Скажите, а все же почему вы решили... помочь мне? Провода протянули. Хотя это незаконно.

КИРСАНЫЧ. Я же говорил, я историк. Вы тоже историк...

ОЛЕНИН. Антиквар!

КИРСАНЫЧ. И когда я узнал, чем вы занимаетесь, мне захотелось с вами познакомиться. У нас в ЖЭКе, сами понимаете, интеллигентных людей не так много. Да и, потом, из роли выходить нельзя. Гастарбайтер, рассуждающий об истории, что может быть подозрительнее? Выгонят.

ОЛЕНИН. А вам поговорить хочется?

КИРСАНЫЧ. Можно подумать, вам не хочется?

ОЛЕНИН. Мне помолчать хочется. А ко мне клиенты приходят, музеи приходится обзванивать, детей искать. Мне бы помолчать, да не получается.

КИРСАНЫЧ. Я рад, что с вами познакомился. Знаете, у меня еще со студенческих лет есть одна идеалистическая теория. Развитие человечества, как ни крути, идет по кругу. Антураж, да, меняется: были колесницы, на смену им пришли лимузины. Колесницы украшали, машины тюнингуют. В средневековые писали письма любимым,

привязывая их к лапкам птиц, сейчас электроны по проводам несут наши чувства и мысли. Раньше убивали противника, по крайней мере видя его лицо, теперь достаточно нажать несколько кнопок и целые континенты могут исчезнуть с лица земли. Суть остается прежней. Смотрите, в России опять тот же бардак, что и сто лет назад. Капитализм, власть царя-батюшки, окруженного штыками ОМОНа, болтовня интеллигенции о бедственном положении народа, олигархи выбрасывают миллионы на яхты и любовниц, а по улицам бегают беспризорники. Что изменилось? Ничего! Был ли социализм? Был ли СССР? Наверное, нет. Чем Россия занималась сто лет, чтобы снова вернуться сюда? Потерян целый век! Впрочем, что Россия. Во всем мире то же самое. Человечество транжирит тысячелетие за тысячелетием, не делая никаких выводов и не двигаясь ни вперед, ни назад. Сколько еще миллионов лет нам потребуется, чтобы стать другими? А дело-то все в том, что мы не знаем историю. Ведь все глупости уже сделаны! Все уроки уже даны! Надо просто выучить их. Пропустить через сердце, через голову, через душу, наконец. Всего лишь! И мы вырвемся из этого проклятого круга. История — святая наука. Вся беда в том, что вокруг слишком много хирургов. И ее постоянно перекраивают, переделывают, отрезают «лишнее», пришивают «нужное». В результате никто ее по настоящему не знает. Больше того, и знать-то никто не хочет, именно из-за этих хирургов. А может, они именно этого и добиваются, хирурги? Может, их как раз устраивает эта беготня по кругу. Может... Но тогда мы уже в какой-то сатанизм сваливаемся.

ОЛЕНИН. История, молодой человек, это то, во что ты веришь! То есть вы понимаете, как важно то, чем я занимаюсь? Понимаете?

КИРСАНЫЧ. Да, конечно.

ОЛЕНИН (*наливает, торжественно произносит*). За историю! Святую науку! (*Выпивают.*)

КИРСАНЫЧ. А что это у вас за портреты?

ОЛЕНИН (*помрачнев*). Портреты? Это детей моих портреты. Лёничка и Варенька.

КИРСАНЫЧ. Но это же вырезки, да? Ваших детей в журналах публиковали? Наверное, вам как отцу это приятно...

ОЛЕНИН (*обрывает его*). Нет. Это... Я не знаю, кто эти люди. Просто они похожи на моих детей. (*Пауза.*) Я думаю, что похожи...

КИРСАНЫЧ. Вы их давно не видели, ваших детей?

ОЛЕНИН. Давно. Они сбежали от меня. Говорят, пыльно у тебя, аллергенная зона, а не квартира. Как по шестнадцать им исполнилось, так и сбежали. Лет сорок назад.

КИРСАНЫЧ. И в гости не ходят?

ОЛЕНИН. Нет.

КИРСАНЫЧ. Ну, хотя бы звонят? С Новым годом поздравить, с днем рождения...

ОЛЕНИН (*обрывает его*). Нет. Сволочи! Ехидны!

КИРСАНЫЧ. Сообщите в газеты, что оставляете им в наследство квартиру. Объявятся.

ОЛЕНИН. Не объявятся. Здесь их мать умерла. От туберкулеза. Они считают, что это я своим пыльным хламом ее в могилу свел. Задушил.

КИРСАНЫЧ. Сочувствую.

ОЛЕНИН (*пьяный, неожиданно озлившись*). Нужно мне ваше сочувствие, как печке хвост! Чего вообще вы тут расселись? У вас рабочий день еще не кончился? Вот и вперед! Оставьте меня! Сочувствует он! Обойдусь без сочувствующих и сострадающих! Сам, слава Богу, еще в силе!

КИРСАНЫЧ. Я, видимо, что-то не то сказал. Извините.

ОЛЕНИН. Нечего тут извиняться! Бог простит. Поковырялись грязным пальчиком в ране, получили удовольствие, идите дальше.

КИРСАНЫЧ (*совершенно не выглядит обиженным*). Я и вправду пойду. Спасибо за угощение. Вот я здесь вам свой телефон оставляю. Звоните, если что.

ОЛЕНИН (*стоит у стола, кричит вслед, куражится*). А как же! Непременно! Прямо сейчас и начну!

Кирсаныч уходит. Оленин наливает себе водки, выпивает. Пьяно ложится на стол, положив приходную книгу под голову. Звонит телефон, но Оленин его не слышит. Затемнение.

Дверь медленно открывается, на пороге стоит Леонид. В руках у него черная папка. Он внимательно смотрит на петли двери, на замок. Затем входит в квартиру, закуривает и брезгливо осматривается. Идет вдоль полок, трогает пальцем, достает платок, вытирает пыль с пальца. Останавливается возле спящего Оленина, машет платком по его лицу.

ЛЕОНИД (*негромко, почти ласково*). Подъем, ветошь!

Оленин, сторбившись, как ворона, садится на столе, недоуменно смотрит на Леонида.

ОЛЕНИН (*хриплым неприятным голосом*). Вы кто? Как вошли? Вон отсюда, быстро!..

ЛЕОНИД (*благожелательно*). Ой, отец, давай без шума. Тебе звонили из ЖЭКа? Или как там эта богадельня называется... Говорили, что съезжать надо?

ОЛЕНИН. В чем дело? Никуда съезжать я не собираюсь!

ЛЕОНИД. Видишь, говорили. А ты ершишься. Вопрос, зачем?

ОЛЕНИН. Это мой дом!

ЛЕОНИД (*смотрит по сторонам*). Твой... Сегодня твой, завтра... не твой. Все мы гости в этом мире. Слышал такую телегу?

ОЛЕНИН. Я повторяю, вон отсюда! (*Дает «петуха», кашляет.*)

ЛЕОНИД. Ты поосторожней. Не мальчик уже. Надорвешься и привет. В деревянном пенале на кладбище.

ОЛЕНИН. Молчать! Хам! Вон отсюда!

ЛЕОНИД. О, развоевался...

ОЛЕНИН. Ах ты!!!...

Оленин в бешенстве оглядывается вокруг, соскакивает со стола, хватая ржавую саблю, бросается на Леонида. Тот достает из кармана пистолет. Раздается выстрел, следует яркая слепящая вспышка. Оленин падает, схватившись за глаза.

ЛЕОНИД. Ты чо, ветошь? Совсем оборзел? Еще махать он тут будет! Будёновец, мля. Я те помашу. Все махалки нахер поотрываю. (*Прохаживается, успокаиваясь.*)

Мне сказали, интеллигентный человек. Старинные вещи собирает. А тут вон, будёновец... (*Смотрит на пистолет.*) Хорошая игрушка, а? (*Останавливается над Олениным.*) Дочери купил. А то шляется по вечерам хрен знает где. Дискотеки, клубы... Чего валяешься? Нашел чо? Попролам делим! (*Улыбается.*) Давай, вставай. Ты что думаешь, я тебя убивать пришел? На хрен ты мне сдался. Это травматический пистолет. С шумо-световым патроном.

ОЛЕНИН (*пытается открыть глаза, жалобно вскрикивает*). Ай! Ай! Не вижу. Ничего не вижу.

ЛЕОНИД. Это нормально. Полежи, проморгайся. А я пока покажу тебе кое-что. (*Берет стул, ставит рядом с лежащим Олениным, садится, закуривает.*)

ОЛЕНИН. Здесь нельзя курить. Здесь... (*Пытается глянуть на Леонида, но глазам больно.*) Ай! Ай!

ЛЕОНИД. Угомонись. (*Достает из папки справки.*) Значит, что мы имеем, герр Оленин? А имеем мы долг по квартплате в тридцать семь тысяч рублей. Копейки не считаю. Справка из ЖЭКа. (*Бросает справку на Оленина.*) Также мы имеем долг за электричество. Семь тысяч рублей. (*Удивленно смотрит на тусклую горящую лампочку.*) А что это у тебя свет горит? Мне сказали, его отключили. Ладно... (*Пожимает плечами, кидает справку на Оленина.*) Дальше. Справка от участкового о том, что в эту квартиру периодически ходят подозрительные люди. Что очень похоже на притонодержательство. (*Кидает справку на Оленина.*) Ты притонодержатель? (*Весело.*) Может, травкой торгуешь помаленьку, а, драгдилер? Не угостишь? (*Оленин скулит.*) Справка из налоговой инспекции. Не выплачен налог на недвижимость за три года. Шесть тысяч рублей. (*Кидает справку.*) Тут еще по мелочи... (*Читает заявления.*) Жалобы от жильцов на

шум. Музыка орет среди ночи... *(Кидает справку.)* Грохот, пушки стреляют... *(Кидает справку.)* Волки недавно выли... *(Кидает справку.)* Вообще бред какой-то. Ты что, глухой? Телевизор на полную громкость смотришь? Ну, и вершина твоей карьеры, справка от психиатра. О проведении обследования. Ты же был пять лет назад у психиатра? Вот. Шизофрения и все такое. *(Кидает справку.)* Бумажки эти можешь забрать себе. У меня еще есть. *(Курит, глядя на Оленина почти с сочувствием.)* Вот так, отец. А ты думал, я по беспределу наехал? Нет. Все по закону. Сейчас время такое — время закона. По закону жить просто. Не платишь за квартиру, ее выставляют на продажу. Средства от продажи идут на погашение долгов. Остаток выплачивается. Твою хату выставили, я купил. Все просто. Закон суров, но это, мля, закон. Ну, ты как? Проморгался? Короче. Зовут меня Леонид. Я буду здесь жить. Ферштейн? *(Оленин скулит.)* Не слышу! Ладно, будем считать, мычание — знак согласия.

Прохаживается по квартире, осматривается.

Хламу-то сколько... Три КАМАЗа под завязку. Не меньше. На хрена ты столько барахла наташил? Вы, старичье, как дети малые. Те все в рот ташат, вы все в дом. *(Напевает.)* «Я куплю тебе дом у пруда в Подмоскowie...» *(Берет с полки кусок мхатовского занавеса.)* Вот это что, а? Вот что это за дерьмо? На хрена оно? Мошь все изгрызла... Ты что, подштанники себе из этого сшить хочешь? *(Швыряет на пол.)* А это? *(Берет ржавую цепь, трясет ею в воздухе, кидает.)* «Заведу голубей, и с тобой, и с любовью, мы посадим сирень под окном»...

Оленин, часто моргая слезящимися глазами, ползет, повторяя: «Ты что творишь, звереныш? Не тронь! Вон отсюда! Вон!» На ощупь ищет упавшие предметы, прижимает к груди. Леонид прохаживается вдоль полок и продолжает с грохотом сбрасывать с них вещи. Забавляется. Оленин вслепую ползает за ним. Вещи вываливаются у него из рук, он снова их подбирает.

ОЛЕНИН. Прекратите! Не трогайте! Это ценнейшие исторические реликвии! Уникальные экспонаты!

ЛЕОНИД. Ой, да хорош, а? Хлам он и есть хлам.

ОЛЕНИН. Этим экспонатам десятки и сотни лет!

ЛЕОНИД. Ну, и что? Что мне, конкретно мне, дадут твои экспонаты? Вот эта цепь ржавая, это что?

ОЛЕНИН. Я... Я не вижу.

ЛЕОНИД. Вот.

Брезгливо подкидывает ногой цепь к Оленину. Тот на ощупь находит ее, трогает.

ОЛЕНИН. Этой цепью были скованы кандалы Петрашевского.

ЛЕОНИД. Ну какого еще Петрушевского?! Он кто тебе? Сын? Брат?

ОЛЕНИН. Он был руководителем кружка, в который входил молодой Достоевский.

ЛЕОНИД. Да с чего ты взял, что это его цепь? Она что, подписана? «Эту цепь носил Петрушевский». Да на ней Трезор какой-нибудь всю жизнь сидел и на прохожих тявкал, а теперь ты с ней, как курица с яйцом, носишься. Молодой Достоевский входил... Входил, выходил... Я фигею с этого зоопарка.

ОЛЕНИН. Есть наука история!...

ЛЕОНИД *(говорит зло и напористо, время от времени сбрасывая что-то с полок в такт словам)*. Да ты что? Я тебе страшный секрет открою, отец. Нет никакой науки истории! Ясно? Что телевизор народу впаривает, то народ и жрет. И будет жрать! А истории нет. При совке говорили, царь — плохой, Ленин — хороший. Теперь наоборот. Завтра скажут, оба хорошие. Или плохие. Или их вообще не было. И чего, я всем верить должен? Да идите вы лесом! Ты Фоменко и Носовского читал? Я тут почитал немного! Оказывается, все вообще не так было, как училки мелким в школе рассказывают! Ни монголо-татарского ига не было, ни крестовых походов, ни хрена. Опять я верить должен? Ученые... Все мозги засрала. Какой толк от кандалов этого...

Петрушевского? Вот для тебя сейчас какой толк от них? Для меня есть, я тебя ими приложить могу. А для тебя? Вот они, перед тобой. Ну? Какой толк? Ни-ка-ко-го. Ферштейн? Сегодняшним днем жить надо, а не трястись над всяким дерьмом. И нечего молодняку мозги пудрить своими историями. Историки, мля... Скотобаза...

Пауза. Леонид глядит, как Оленин возится на полу. Сейчас особенно заметно, что Оленин очень старый.

Не дай Бог до такого дожить. *(В кармане у Леонида звонит телефон.)* Алло. Да, вот прямо сейчас и осматриваю. Хорошая квартира. Мусора, правда, много. Хозяин? Хозяин тоже хороший. Только голова плохая. Совсем плохая. Не-де-е-спо-со-бен. Как и говорили. Либо сразу в дурку, либо в Теплый Стан. Ага, где восемьдесят таджиков прописано. Чтоб не скучал. Будет маленьких азиатов нянчить. Нет, родственников нет, мы проверяли. Точно. Да брось ты! Ну, кому он нужен? Никто за него не впряжется. Тут проблем точно не будет. Кто вякать будет? Музейщики с искусствоведами? Смеешься? Тут вообще все хорошо. Он достал их всех. Я узнавал. Он же почетный сумасшедший. Все время пытается им какое-то дерьмо впарить. То кальсоны Геринга, то челюсть Кутузова. Они только рады будут от него избавиться. Так что тут уж точно полный порядок. Орднунг. Че за грохот? *(Улыбается.)* Да это тут отец прибирается. *(Оленину)* Да, отец? *(в трубку)* Захламил квартиру... Ну, давай. На связи. *(Выключает телефон.)* Классная труба. Навигатор, телевизор, Интернет, плеер, видео, радио. Наука, мля, и техника. *(Наклоняется к Оленину, громко.)* А ты все над дерьмом столетним трясешься. *(Прячет телефон, оглядывает разгром.)* Слушай, как ты живешь в таком бардаке, а? Хуже, чем в свинарнике... В доме должны быть чистота и порядок. Ладно, возвращаемся к нашим баранам. К тебе то есть. У тебя два дня. Сорок восемь часов, если по-русски. Собери документы, аусвайс там, шмотки. Только не много, а то знаю я вас. С дерьмом не расстанетесь. Два дня! Ферштейн? А, отец? *(Хлопает сидящего на полу Оленина по плечу, напевая уходит.)* «Дорогие мои старики, дайте я вас сейчас расцелую. Молодые мои старики, мы еще, мы еще повоюем».

Свет гаснет, остается только луч, падающий на Оленина. В темноте звонит телефон. Оленин ползет к столу, луч за ним. Оленин снимает трубку.

ОЛЕНИН *(севшим голосом)*. Алло? Нет, это не театр.

Затемнение. Луч света выхватывает Оленина. Он звонит по телефону, закрывая глаза от света рукой.

Ало! Олег Абрамович, это Оленин. Помните меня? Почему, к сожалению, да? Я не понимаю. У меня к вам предложение. Пенсне Молотова. Оно, правда, разбитое. Но зато настоящее, могу подтвердить... Почему издеваюсь? Нет, я совершенно серьезен. Вы ведь даже не видели! Мне сейчас тяжело говорить... Хорошо, я больше не буду звонить вам...

(Свет гаснет. Мгновенно включается.)

Рад вас слышать. Не узнали? Это Оленин. Антиквар. Не помните? Ах, помните! Великоле... Ааааа!

(Свет гаснет. Мгновенно включается.)

(Умоляет.) Это же огромная ценность! Грибоедов... Собственноручно... Как вы не понимаете?

(Свет гаснет. Мгновенно включается.)

(Пророчествует.) ...Вас потомки проклянут, если не спасете! Именно проклянут. Я не пугаю, я обещаю!..

(Свет гаснет. Мгновенно включается.)

(Юродствует.) Ну, да, кто я такой? Почетный сумасшедший, собиратель хлама. Это вы, высоколбые, всезнающие...

(Свет гаснет. Мгновенно включается.)

(В гневе.) ...Врете! Никогда фальшивки не предлагал. Вы мне предлагали. Я — нет!..

(Свет гаснет. Мгновенно включается.)

(Сотчающим.) Уже уходите? А завтра будете на месте? У меня для вас есть крайне интересный экспонат. Линейка Курчатова. В хорошем состоянии... Что? Не можете... И надолго в командировку? Хорошо, я перезвоню. Через месяц.

(Свет гаснет. Медленно включается.)

(Оленин с трудом смотрит в записную книжку.) Иванова... Вот уж кого не перевариваю... Она, похоже, жалеет меня. Представляешь, Маркиз, меня жалеет!.. Ну, придется потерпеть. (Набирает номер, говорит приветливым, заискивающим голосом, в голосе волнение.) Але, госпожа Иванова? Рад вас слышать. Это Оленин. Да, тот самый, с дипломатом. Нет, я не из старого кожанамениателя... А, вы про дипломат! Извините, я не понял. И он тоже. Он из настоящей крокодиловой кожи. Да-да! Раритетная вещь. Я к вам по делу. Вы спешите? Тогда я быстро. Есть у меня уникальная вещь. Окурок папиросы Маяковского. Да-да! Настоящий! Ручаюсь! Больше того, одна из последних его папирос. Может быть, даже самая последняя. «Герцоговина Флор» фабрики «Дукат». Любимые его... Помните, «любимым папиросам даст фор «Герцоговина Флор». Из комнаты, где он застрелился. Я хочу за него десять тысяч. Нет-нет! Рублей. Почему? Это ведь не такие большие деньги. Нет?.. Ну, хорошо, пять тысяч... Три... Вы же работаете в музее Маяковского. Вы должны понимать, какая это ценность! Нельзя, чтобы он пропал! Знаете, когда я этот окурок в руки беру, он же, как уголь, раскаленный. Через него такое прошло! До сих пор чувствуется. Он руки жжет. Давайте, я принесу, вы потрогаете. Сами увидите! Ну, хорошо, тысяча рублей. Хотя, это уже... Как это, «дело не в деньгах»? Почему «не можете брать подобные вещи»? А вдруг со мной что случится? Умру или еще что. Вдруг дети мои не успеют приехать? И какие-нибудь враги все на помойку выкинут? Хорошо, давайте, я вам завтра перезвоню, а вы пока подумаете? Договорились, Мария Григорьевна? Что? Анастасия Викентьевна... Простите, ради Бога! Старость. Все забыл. Совсем голова не работает. Старость... Так что? Мне завтра перезвонить? Почему нет?.. Ну, хотите, я вам заплачу? У меня нет денег, но я займу до пенсии. Мне поверят. Пятсот рублей, а? Нет-нет, не говорите ничего! Тысяча! Три! Анастасия Григорьевна, возьмите! Прошу! Хотите, я на колени встану? (Встает на колени, кричит в сторону от трубки.) Маркиз, не смотри! Не смотри! (в телефон) Я на коленях, Мария Григорьевна. Але! Не кладите трубку! Мария Григорьевна! Але! Мария... (Плачет в коленки, жалобно скулит.) Маркиз, где ты? Подойди ко мне. Маркиз!..

Звонит звонок в двери, звонит звонок телефона. Оленин лежит. Спина его вздрагивает. Звонки стихают. Из окна в центр сцены бьет солнечный луч. Оленин медленно встает, берет табурет. Старческой шаркающей походкой идет к солнечному квадрату, садится в центр и сидит, безжизненно глядя перед собой. Тихая музыка. Понемногу лицо его разглаживается, он улыбается светлой, почти детской улыбкой. Тихо напевает, словно постанывает. Усталой походкой идет к телефону, набирает номер.

ОЛЕНИН. Ало, Кирсан? Это Оленин. Да, тот самый, антиквар. Спасибо. Все хорошо. Мне нужна ваша помощь. Вы можете достать кирпичей и цемента? Да, очень надо. Очень срочно. У меня нет выхода.

Занавес.

ТРЕТИЙ АКТ

Темнота. Чиркает спичка. Загорается свеча. Оленин стоит посреди комнаты со свечой в руках. При свете видно, что окно и дверь заложены кирпичами. Оленин трогает кирпичи, проводит по ним рукой. Щелкает выключателем.

ОЛЕНИН (*ворчит*). Нет света. Тьма есть, а света нет. Вот и вся философия, Маркиз. Ты поел хоть? (*Подходит к блюдицу, светит.*) И у тебя аппетит пропал... От такой жизни не только аппетит, жизнь пропадет. Хотя, ты знаешь, мне так даже лучше. Тишина, покой. «На свете счастья нет, но есть покой и воля». Воли у нас нет, зато покою теперь хоть отбавляй. Значит, половина счастья нам все же перепала. А это, Маркизушка, не так уж и мало. Теперь можно посидеть в тишине, подумать. Знаешь, я ведь недавно только начал о жизни задумываться. Раньше как-то шло все само собой и шло. Старею, наверное. Хотя стареть-то мне как раз и нельзя. Пока коллекция моя музеем не станет, нельзя стареть. Здесь же каждый экспонат — как ребенок мне. Каждая щепка и пуговица — как дочь, каждый обломок и камешек — как сын. (пауза) Может, потому-то настоящие мои дети — Ленчик с Варенькой — от меня и сбежали, едва им по семнадцать лет стукнуло. Я ведь их с тех самых пор и не видел. Встречу сейчас на улице — не узнаю. Своих детей родных не узнаю! Как же так вышло-то, а? Страшно? Страшно. А что было делать? Они ведь как уходили? «Не можем жить в пыли и хламе». У них ведь, и правда, даже кашель был оттого, что они постоянно этим пыльным воздухом дышали. Я помню. Ведь когда их на лето в пионерский лагерь отправляли, они оттуда здоровенькие возвращались и месяц не кашляли. А потом все заново начиналось. Ходили тонкие, бледные. Кхы-кхы, кхы-кхы. Но ведь ты и меня пойми. Не мной это дело начато было, не мне и бросать его! Мне дед и прадед все это в наследство оставили. Хотели, чтобы я сохранил, а если получится, то и умножил. И я сохранил, Маркиз! И умножил! А какой ценой?.. Какой ценой... Жена, Маша, от туберкулеза умерла. Так врачи потом написали. Только я-то знаю, не от туберкулеза, от пыли здешней. От пыли и вечного сумрака подвального. Я виноват. Я. Кто ж еще? Она ведь безропотная была. Не жаловалась никогда. Ходила, покашливала в платочек. А я слышал все и молчал. Вот и домолчался. А если б сказала она мне, или я или экспонаты эти пыльные, что бы я ответил? Не знаю. Может, и ее бы выбрал, а это все на помойку снес. Только кем бы я был после этого? Предателем? А так и так предателем стал. Деда и прадеда выбрал с их коллекцией, жену с детьми предал. Выбрал бы семью, предков предал бы. Тут, куда не кинь, всюду пропасть. Хотя конечно, если по-простому, по-человечески рассудить, я чудовище. Жену в могилу свел, детей чуть не уморил. Благо они выросли и сбежали от меня. Это мне все нипочем, словно я из дерева вырезан. Ни пыль меня не берет, ни вечные сумерки. Живучий. На войне вон три пули в грудь словил и жив остался. Хирург говорил, тридцать лет людей латаю, а такого не видел. Очередь из танкового пулемета через ребра навывлет прошла, а мне хоть бы что. Через четыре месяца опять на передовую вернулся телефонные линии тянуть. (Пауза.) Дети, дети... Сорок лет детей не видал. У них у самих теперь дети. Хотя, какие дети... Внуки уже! А видеть меня не хотят. Из-за Маши. Из-за матери. Не могут простить. Даже квартира эта им не нужна. Ведь миллионы, наверное, стоит, а не нужна. Да и верно... Каким я был отцом? Хуже чужого человека. Только что в одной квартире жили и виделись каждый день. Ну, уроки иногда проверял. За тройки ругал. «Тройка — клеймо посредственности. Мне не нужны дети — посредственности». В зоопарк сводил раза два. В кино раз в год. (Пауза.) А ведь была мысль, где-то глубоко постоянно сидела, вырастут — будут мое дело продолжать. Коллекцию хранить. Хоть

просто пыль стирать, и то хорошо. Но... не сбылось. Не нужно им это оказалось. Неинтересно. *(Ходит вдоль полка, чуть касается то одного, то другого экспоната.)* Ненужно... Не понимаю. Как такое богатство может быть ненужным?! Такое счастье как может быть ненужным?! Ленточка от пуантов Улановой...

(Звучит музыка из «Лебединого озера». В темноте, на краю круга света танцует балерина.)

Ремешок от часов Гагарина...

(Отсветы, как от взлетающей ракеты, голос Гагарина: «Поехали».)

Обломок полозьев от саней Пушкина...

Снег метет через сцену, слышатся звон колокольчика, вой волков, «Метель» Свиридова. Потом все затихает. Загорается свет, похожий на лунный, слышится скрип полозьев. Падают снежинки. Оленин посреди этой картины с восторженным, почти детским лицом и широко открытыми глазами.

Стук в замурованную дверь. Видения исчезают.

ЛЕОНИД. Слышь, отец? Не спишь?

ОЛЕНИН. Бодрствую!

ЛЕОНИД. Узнал меня?

ОЛЕНИН. Такого гада и не узнать? Конечно, узнал!

ЛЕОНИД. Ты зачем, ветошь, окна заложил?

ОЛЕНИН. Я и дверь изнутри заложил!

ЛЕОНИД *(начинает благожелательно, потом расходится)*. Я так и понял. Молодец! Но ты не переживай, мы разберем. Против лома нет приема. Так или иначе, мы свое дело сделаем. А вот ты сам себя похоронил. Если раньше врачи еще сомневались, в уме человек или так, с придурью просто, то теперь вопрос ясен. Дурка по тебе плачет. *(Заводится по мере разговора.)* Ты понял, debil? Готовься! Будут тебя галаперидолом в разум вводить! Я отвечаю, лично влзу и за шиворот тебя в психушку приволоку! *(Леонид с хрипом выдыхает, раздается гулкий удар в дверь.)* Вытащу! *(Удар.)* За глотку вытащу! *(Удар.)* Тварь! *(Удар.)* старая! *(Удар.)* Думаешь, замуровался, так я не доберусь? *(Удар.)* Доберусь! *(Удар.)*

Оленин напуган, он ломает руки, мнетя у двери, отшатываясь после каждого удара. Он стар и жалок.

ОЛЕНИН. Послушайте, не надо. Оставьте меня в покое. Вы поймите, мне некуда идти. Некуда. Совсем. Я один остался. У меня же нет никого больше! Ни жены нет, ни детей! Никого! Только кот и эти пыльные вещи! Не отбирайте! Прошу вас! Я ведь старый совсем, умру скоро. Тогда, делайте, что хотите! Но сейчас не надо! Я недолго проживу, обещаю! Совсем чуть-чуть, только не трогайте меня пока! *(Кричит.)* Ведь не звери же вы в самом деле! Нельзя же так с живым человеком!

Все это время удары продолжают. Оленин подходит к двери вплотную и почти кричит в щель сдавленным от ненависти, громким и сильным голосом.

ОЛЕНИН. Взорву! Я взорву тебя, гад, слышишь?! *(Удары прекращаются.)*

ЛЕОНИД. Чего ты там пузыришься?

ОЛЕНИН. У меня бомба есть! Взорву тебя!

ЛЕОНИД. Какая бомба?

ОЛЕНИН. Старая. Ее еще Каляев делал. Она тогда не взорвалась, теперь взорвется.

ЛЕОНИД. Какой еще Каляев? Бредогон, мля.

ОЛЕНИН. Террорист. И поэт. «Молитву» его слышал? «Христос, Христос,

слепит нас жизни мгла?...» (*Обрывает себя.*) Перед кем я тут бисер мечу? Каляев сто лет назад генерал-губернатора Москвы взорвал. (*Прислушивается, Леонид молчит.*) Что притих? Думал, у меня тут только пыльные тряпки? Нет. Ошибаешься! История — это не только пыльные тряпки и ржавые цепи, это еще и бомбы!

ЛЕОНИД. У тебя там в темноте вообще крышняк сорвало? Хорош гнать!

ОЛЕНИН. Приходи, проверишь.

ЛЕОНИД. Ты что, чечен какой-нибудь? Шахид? Бомба у него...Ты серьезно, что ли?

ОЛЕНИН. Да уж не шучу!

ЛЕОНИД. Скотобаза... Ну, и что? Чего добиваешься? И себя убьешь, и людей покалечишь.

ОЛЕНИН. А с такими, как ты, все средства хороши!

ЛЕОНИД. От коллекции, барахла твоего, тоже ничего не останется. В курсе?

ОЛЕНИН (*с болезненным воодушевлением*). А сй все одно пропадать. Что от вас, что от меня. Так пусть уж лучше от моей руки.

ЛЕОНИД. Ладно, потерпи. Ша я работаг подтяну. Будем тебя выковыривать, как улитку из раковины. Да, в милицию можешь не звонить. Ментов я тоже подтяну.

ОЛЕНИН. Хоть шестой американский флот! Полководец. Видали мы таких.

ЛЕОНИД. Что?

ОЛЕНИН. Жду с нетерпением. (*Потирает ручки, хихикает довольный.*) Что, думал взял, как котенка? Ну, нет! Не на того напали, господа! Я вам устрою. Будет шум до небес! Хозяева жизни! Развелось вас, не передушить. Мы еще посмотрим, кто кого! Не знаете с кем связались! Узнаете. Узнаете и пожалеете. Слышите? (*Стучит рукой по замурованной стене.*) Я не девочка-институтка. Я ничего не боюсь! Меня так просто не возьмешь. Я вам устрою Сталинград в отдельно взятой квартире. (*Потрясает тощим кулачком.*)

Оленин в радостном возбуждении шелкает выключателем. Свет не загорается. Подходит к портретам детей, смотрит, подслеповато шурясь. Снимает со стены, держит перед собой, как двух грудных детей, глядя поочередно то на одного, то на другого.

Одна беда, жить хочется. Ох, как хочется. Хоть и старик, а не надоело. Не нажился.

(*Звонит телефон. Оленин подходит, кладет портреты на стол, берет трубку.*)

Ну? Альтиметр с самолета Экзюпери? Молодой человек, я знаю, что такое альтиметр. Экзюпери, вы уверены? (*Загораясь.*) Да, это интересно. Вне всякого сомнения. Конечно, приходите. Жду! (*Победно потрясает кулачком, оглядывается, видит заложенную дверь*) Хотя постойте... Наверное, нет... Пока ничего не выйдет. Через недельку перезвоните. Нет, у меня все в порядке. Я повторяю, все в порядке! Через неделю. (*Сухо.*) Спасибо. До свидания.

Сидит, покачиваясь на стуле. Мычит непонятную тоскливую мелодию. Смотрит на заложенную дверь. Потом медленно встает, достает с полки бомбу. Звучит музыка. Хриплый волнующийся голос читает стихи Каляева:

Христос, Христос! Слепит нас жизни мгла.
Ты нам открыл все небо, ночь рассеяв,
Но храм опять во власти фарисеев.
Мессии нет — Иудам нет числа...
Мы жить хотим! Над нами ночь висит.
О, неужель вновь нужно искупленье,
И только крест нам возвестит спасенье?..
Христос, Христос!..
Но все кругом молчит.

Издалека слышится приближающийся стук копыт. Хриплый голос повторяет: «Господи, господи! А-а-а!» Громкий взрыв, истошное конское ржание, треск, звон разбитых стекол, крики боли («Убили, господи! Убили!»), женский визг («Убили!»), крики детей («Мамочка, заberi меня отсюда! Мне страшно!»). На сцену падают обломки дерева, щепки, обгорелые обрывки тряпок. Оленин осторожно ставит бомбу обратно на полку, задвигает другими экспонатами. За дверью слышится движение. Оленин идет к двери, прикладывает ухо к кладке. Слышны голоса.

КИРСАНЫЧ (*весело*). Сейчас все сделаем. Все будет чисто-чисто. Аккуратно-аккуратно. Сам потом скажешь: «Молодец, Кирсаныч, вот тебе двести рублей на пиво».

ЛЕОНИД. Посмотрим... Короче, вот эта дверь. Спилишь петли и свободен. Вот здесь и здесь.

Леонид бьет ногой по двери.

ЛЕОНИД (*весело*). Спасателей вызывали? Ты там не задохся еще? Сейчас мы тебя освобождать будем! Слышь! Вскроем твою консервную банку! Бычок, мля, в томате! Потерпи! (*Сильный удар по двери, говорит Кирсанычу.*) Давай, подключай свою шарманку!

КИРСАНЫЧ (*убито, почти без акцента*). Что? Эту квартиру? Точно?

ЛЕОНИД. Эту, эту. Чего встал?

КИРСАНЫЧ. Мне... Переноску надо бросить. Запитаться.

ЛЕОНИД. Ну, запитайся! Запитайся, лапуля! Я что ли тебе в клювике ток принесу? Давай, шурши!

КИРСАНЫЧ. И это... Разрешение нужно из милиции. На вскрытие. А то меня потом по судам затаскают...

ЛЕОНИД (*почти доброжелательно*). Какое тебе разрешение? Тебе твоя баба в ЖЭКе что сказала? Так давай работай!

КИРСАНЫЧ (*упрямо*). Разрешение нужно...

ЛЕОНИД. Ты читать-то хоть умеешь?

КИРСАНЫЧ. Умею.

ЛЕОНИД. Слушай, а ты вообще кто?

КИРСАНЫЧ. Так... Человек.

ЛЕОНИД. Да какой на хрен человек... Таджик? Казах?

КИРСАНЫЧ. Узбек.

ЛЕОНИД. Один хрен. И что, по-русски читаешь?

КИРСАНЫЧ. Да.

ЛЕОНИД. Ну, читай. (*Протягивает разрешение.*)

Кирсаныч читает, возвращает разрешение Леониду.

ЛЕОНИД (*холодно*). Всё. Пошел ток искать. (*Кирсаныч поворачивается.*) Стой. (*Кирсаныч останавливается.*) Я вчера вашей бабе говорил, чтобы телефон этому замурованному отключили. Сделали?

КИРСАНЫЧ. Я не знаю. Она мне говорила...

ЛЕОНИД (*обрывает Кирсаныча*). Повторяю вопрос. Я говорил, чтобы этому замурованному телефон отключили. Сделано?

КИРСАНЫЧ. Не знаю.

ЛЕОНИД (*с брезгливостью*). Всё. Иди. (*Кирсаныч уходит, Леонид достает телефон, набирает номер.*) Это Леонид. Я вчера сказал, чтобы телефон нашему замурованному другу отключили. Что значит не успели? А когда успеете? Что значит скоро? Нет. Сейчас. Да. Звоните на свою АТС. Потом мне перезвоните. (*Убирает телефон.*) Идиотка. (*Появляется Кирсаныч с переноской.*) Нашел ток? Подключай. Работай.

КИРСАНЫЧ (*мнетя*). Я... не могу. Заболел...

ЛЕОНИД. Что?

КИРСАНЫЧ. Заболел...

ЛЕОНИД. Заболел? Я тебя сейчас вылечу! Ты у меня сейчас пешком по шпалам в родные степи отправишься. Сайгаков пасти. Отгрызешь эти петли зубами и сразу

отправишься. Ферштейн? Заболел он. (*Кирсаныч стоит.*) Ты что думаешь, я шучу? Я тебя сейчас в милицию сдам. А там с тобой никто церемониться не будет. Менты тебя в клетке с туберкулезными бомжами недельку подержат и в родной кишлак отправят. Там будешь делать, что хочешь. Болеть, хренеть... А здесь ты будешь работать. Ясно тебе? Не слышу! Ясно тебе?

КИРСАНЫЧ (*тихо*). Ясно.

ЛЕОНИД. Громче. Не слышу!

КИРСАНЫЧ (*громче*). Ясно.

ЛЕОНИД. Громче!

КИРСАНЫЧ. Ясно!

ЛЕОНИД. Еще громче!

КИРСАНЫЧ. Ясно!

ЛЕОНИД. Еще громче!

КИРСАНЫЧ (*вытягиваясь по струнке, отчаянно кричит, срываясь*). Ясно! Ясно! Ясно! Ясно!

ЛЕОНИД (*брезгливо*). Хватит.

КИРСАНЫЧ (*продолжает истошно кричать*). Ясно! Ясно! Ясно!

ЛЕОНИД. Хватит!

КИРСАНЫЧ. Ясно! Ясно! Ясно!

ЛЕОНИД. Да заткнись ты! (*Резко толкает Кирсаныча в плечо, тот бьется о дверь и замолкает. Леонид за шиворот наклоняет его к лежащей на полу болгарке.*) Начал работать. (*У Леонида звонит телефон.*) Да. Леонид. И что АТС? Через пару минут отключат нашему другу телефон? Это точно? Хорошо. Спасибо. (*Убирает трубку.*) Идиотка. (*Кирсанычу, устало.*) Давай, начинай...

Оленин поспешно идет к телефону. Тот тоненько тенькает. Оленин снимает трубку, несколько раз нажимает на рычаги и начинает отчаянно накручивать диск.

ОЛЕНИН. Ало! Лёничка! Вареньку! Олениных! Ало! (*Снова крутит диск.*) Лёничка! Вареньку! (*Минуту крутит диск со все возрастающим отчаянием, бьет по рычагам, задыхается, спрашивает. Неожиданно лицо его просветляется, он поднимает глаза вверх, говорит почти в ритме монолога.*) Лёничка! Ало, Лёничка, это ты? Правда? Лёничка, это папа! Папа, Лёничка! (*Включается болгарка, пронзительный скрежещающий звук, голос Оленина едва слышен.*) Лёничка, а где Варенька? С тобой? Девочка моя! Как вы? Лёничка, прости меня! И Варенька тоже пусть простит! Детки мои. Я виноват, я мерзкий старик! Но простите меня! (*Плачет.*) Я искал вас. Слышно плохо? (*Кричит.*) Искал! Я вас уже пять лет ищу. Детки... Нет, я не плачу, я... рад просто. Нашел... Я просто звонил по телефонам, Лёничка, и спрашивал тебя и Вареньку. И везде мне говорили «нет», а вот сегодня... Лёничка, Варенька, я так увидеть вас хочу. Детки, приезжайте, пожалуйста. Звук? Это у меня тут дверь ломают. (*Кричит.*) Дверь ломают! Хотят меня в сумасшедший дом отправить. Не слышишь? В сумасшедший! А коллекцию на улицу выкинуть. Я не знаю, кто они. Люди... Приезжайте! Ало! Лёничка! Варенька! Ало! Дети! (*Стучит по рычагам.*) Ало! Вы где? Ало? Не слышу! Лёничка! Варенька! Дети!...

Роняет трубку. Берет портреты. Ходит с ними, шаркая ногами, по сцене. Словно укачивает. Иногда прижимает к лицу, целует попеременно. Визжит болгарка. Понемногу ее вой уходит на задний план, и слышно, как Оленин поет колыбельную: «А-а-а-а-а-а-а». Ему издалека подпевает теплый и ласковый женский голос. За Олениным следует тень кота.

Занавес.